

ГАЙ ЮЛИЙ
ОРЛОВСКИЙ

A man with long blonde hair, wearing a dark suit and a light pink tie, sits on a dark, ornate throne. He has large, dark, feathered wings. In his right hand, he holds a sword with a glowing, fiery blade. His left hand rests on a book or scroll on his lap. The background is a cityscape at sunset or sunrise, with a prominent skyscraper. The entire image is overlaid with faint, handwritten text in various colors.

МИХАИЛ
МЕЧ ГОСПОДА

ПРОСЬБА АЗАЗЕЛЯ

Михаил, Меч Господа

Гай Орловский
Просьба Азазеля

«ЭКСМО»

2017

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Орловский Г. Ю.

Просьба Азазеля / Г. Ю. Орловский — «Эксмо»,
2017 — (Михаил, Меч Господа)

ISBN 978-5-699-99135-8

Демоны и раньше ускользали из ада, но из чужих тел их изгоняли экзорцисты. Затем чья-то могучая воля пробила в мир людей узкую щель, и демоны начали протискиваться в своих телах. Но, занятые с ними войной, люди не заметили, что клипоты все массивнее и тяжелее, вот-вот раздавят мир. А еще с каждым днем все ближе нечто исполинское, грозящее уничтожить Вселенную. Демон Азазель, живущий среди людей уже шесть тысяч лет, не в силах выстоять против него в одиночку. Но где герой, что остановит Извечное Зло?

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-699-99135-8

© Орловский Г. Ю., 2017
© Эксмо, 2017

Содержание

Часть первая	6
Глава 1	6
Глава 2	10
Глава 3	15
Глава 4	20
Глава 5	24
Глава 6	28
Глава 7	32
Глава 8	37
Глава 9	42
Глава 10	47
Глава 11	50
Конец ознакомительного фрагмента.	54

Гай Юлий Орловский Михаил, Меч Господа. Просьба Азазеля

© Орловский Г. Ю., 2017

© Оформление. ООО «Издательство „Э“», 2017

Часть первая

Глава 1

Сверху хорошо видно, как избитый мужчина со связанными за спиной руками медленно бредет, едва передвигая окровавленными ногами, по деревянному покрытию каменного пирса. За ним остаются красные пятна, а конвоиры неспешно двигаются сзади в пяти шагах, автоматы на изготовку, лица закрыты платками по самые глаза.

У самого края пленник, не дожидаясь окрика, повернулся. Лицо в кровоподтеках, левый глаз заплыл полностью, второй смотрит через щелочку. Рубашка в лохмотьях, на груди пятна от сильных ожогов, в одном месте плоть обуглилась и почернела.

Один из конвоиров сказал резко:

– Именем революции!.. Огонь!

Он выстрелил первым. Пленный даже не вздрогнул, хотя пуля ударила в левую сторону груди, где у людей сердце, настолько измученный пытками, что не ощутил новой боли. Тут же грянули еще четыре одиночных выстрела, и он медленно упал навзничь в воду.

Все пятеро подошли к краю и смотрели, как неподвижное тело, оставляя за собой красные расплывающиеся полосы, медленно уходит вниз. Солнце в зените пронизывает воду на большую глубину, тело все уменьшается в размерах, красное дымное облачко почти заслоняет видимость, но все же заметно, как уходит все ниже и ниже, наконец все превратилось в едва различимое мутное пятно.

– Все, – сказал тот, который командовал расстрелом, – уходим.

Михаил, не сдвигаясь с места, продолжал наблюдать, как все деловито прошли обратную дорогу по пирсу, там ждет автомобиль с открытым верхом и установленным над кабиной крупнокалиберным пулеметом.

Когда забрались в кузов, один сразу сел к установке и ухватился за рукоятки, направив ствол под углом вверх, второй постучал по кабине. Автомобиль резко сдвинулся с места, из-под колес полетели мелкие камешки.

Михаил с минуту смотрел, как их уносит по неровной дороге, будто вырванный ветром сухой кустарник, перевел взгляд на воду. Со дна все еще поднимаются медленно размываемые струйки крови, а там, в самом низу, красное облачко, потускнев, окружило тело со всех сторон.

Привлеченные запахом крови, к неподвижной находке метнулись мелкие рыбешки. Вдали показались и большие, почуяв кровь издали.

Михаил без усилия переместился в тело убитого, но сильнейшее отвращение едва не выбросило обратно. К горлу подступила тошнота, как же отвратительно оказаться в этой громаде сырого мяса, гадко и омерзительно, – стиснул челюсти, чувствуя их человеческую тяжесть и звериное происхождение, попытался встать, подняться на поверхность воды...

...но несмотря на то, что раны залечил, едва только вошел в это тело, оно сейчас отказывалось повиноваться. Мучительно долго разбирался, как двигаются руки и ноги, велик и славен Творец, задумавший и создавший такую сложную конструкцию, он бы на Его месте сделал бы все проще и понятнее.

Наконец, разобравшись с главными мышцами и сухожилиями, с трудом сумел оттолкнуться от засыпанного крупным гравием дна задними конечностями. Тело пошло вверх, он помогал ему подниматься, двигая руками, но перестарался: вылетел из воды, как играющий дельфин, с шумом рухнул обратно, а уже там, загребая передними и отталкиваясь задними, поплыл к берегу, стараясь делать в точности, как это получается у людей.

На берег выбирался еще слабее и беспомощнее, чем был в воде, не сразу понял, что дело в окружающей среде: воздух хоть и плотная грубая материя, но намного разреженнее воды.

Все больше раздражаясь, поднялся на задние конечности, на втором шаге двигался уже сухой и с аккуратнo, как здесь носит большинство, уложенными волосами. Тело то ли сопротивляется неожиданному вторжению, то ли ему самому трудно привыкнуть к этой тяжелой массе сырой плоти, он начал быстро задыхаться, не сразу вспомнил, что нужно дышать, как делают здесь все существа.

На сухой земле постоял в неподвижности, вбирая в себя запахи материального мира, звуки, ощущение легкого ветерка, странно похожего на колебания энергетических полей, проверил еще раз, как слушается тело, подпрыгнул, подвигал руками.

Цель на дальней стороне планеты, но его предупреждали насчет всплеска, потому нужно добираться как-то иначе.

Ничего не придумав, заставил тело двигаться; каменная дорожка пирса увела выше, вскоре путь перегородила идеально ровная дорога, широкая и твердая, по такой не только катафрактарии, но и пешие легионы Рима могли бы пройти быстрым маршем как по Европе, так и по всему миру, который оказался, подумать только, так огромен.

Ничего не дождавшись, пошел по этой удивительно прекрасной дороге, достойной императоров, потом побежал, вспоминая, как это делали солдаты армии могучего Рима.

За спиной послышался нарастающий шум, рев. Он поспешно отступил на обочину – скачущие сзади могут и сбить вставшего на дороге, – оглянулся на бегу.

Его догоняет чудовищно огромная и тяжелая колесница из тяжелого металла, такая с разгону не только выбьет городские ворота, но и разнесет на мелкие обломки любую крепостную стену на сто локтей в обе стороны.

Колесница начала притормаживать, Михаил насторожился, когда она, тяжело вздохнув, остановилась возле него и даже чуточку присела на странно толстых колесах. Вверху распахнулась дверца, показалось бородатое лицо очень немолодого человека, красное и в глубоких морщинах.

– Парень, – крикнул он густым сиплым голосом, – далеко ты забрался с утренней пробежкой! Может, подвезти?

Говорил он на странном диалекте смеси римского и других варварских наречий, но Михаил, мгновенно собравшись, ответил на том же языке:

– Спасибо. Буду рад.

– Залезай, – предложил мужчина.

Михаил не сразу понял, как взобраться по ступеньке, наконец поднялся к водителю и сел на мягкое и такое удобное сиденье, императорам бы вполне.

Водитель подвигал рычагами, колесница взревела и начала неспешный разгон.

– Я Вадим Полкан, – назвалса он. – Восьмой год на пенсии, все собираюсь бросить работу, но всегда что-то мешает. Да и живу на отшибе, а тут все-таки люди. А по дороге кого только не встретишь... Ты живешь далеко?

– Очень, – ответил Михаил.

Водитель хмыкнул довольно.

– А здесь как оказался?... До аэропорта еще почти час, успеешь рассказать.

– Да ничего особенного, – ответил Михаил. – Нужно выполнить одно важное дело и вернуться обратно.

– Бизнесмен?

– Нет, – ответил Михаил, – должен отыскать одного... и вернуть обратно. Откуда бежал.

Водитель протянул заинтересованно:

– А-а, охотник за головами... Интересно. В новостях о таких как-то слышал, но видеть... Тем и хороша моя работа, кого только не встретишь...

Он вытащил сигарету и вставил в рот, Михаил искоса наблюдал, как водитель похлопал себя свободной рукой по карманам.

– Где же она... У тебя огонька не найдется?

Михаил не сразу понял, о чем речь, потом кивнул.

– Конечно.

Он поднес к кончику сигареты мужчины указательный палец, там на пару мгновений вспыхнул огонек и тут же погас.

Водитель раскурил сигарету, взглянул на Михаила с уважением.

– Ух ты... Вот это нужная штука. А то мой племянник навживлял в пальцы ключи от квартиры, машины и даже билет в метро, хотя у нас еще сто лет не выкопают!.. Я говорю, ключ от квартиры, да, удобная штука, а вот если замок придется поменять?...

Он довольно попыхивал сигаретой, дымок не показался Михаилу неприятным, люди в храмах воскуряют разные травы в честь Всевышнего, смолы и даже благовонные веточки деревьев, мир все тот же, хотя изменился, еще как изменился.

Приятный женский голос сообщил из крохотного зарешеченного отверстия над рулем:

– В пяти километрах впереди затруднено движение... Столкнулись две машины такси.

Водитель ругнулся.

– Опять... Там же обрыв, каждый год две-три аварии... А таксисты всегда лихачат. Когда расширят дорогу?... Искать объезд, что ли... Не успеем в порт...

Михаил постарался возвыситься и взглянуть сверху, представил себе, что там впереди, не все понятно, подобные этой колесные повозки, большие, средние и совсем маленькие, стоят, загораживая дорогу, а к ним все прибывают и прибывают новые, останавливаясь тоже.

– Можно по обочине, – обронил он сдержанно.

Водитель покосился на него с иронией.

– По краю пропасти?

– Ну и что, – сказал Михаил. – Не обязательно же падать.

Водитель хмыкнул.

– Знаешь, мне самому жизнь уже надоела. Сто раз подумывал красиво так это погибнуть в автокатастрофе, а не доживать в доме престарелых...

– Тогда вперед? – ответил Михаил.

Водитель сказал тем же странноватым тоном:

– Я могу. А как ты?

– Давай, – ответил Михаил. – Проедешь легко. И посрамишь тех, кто будет смотреть на тебя из этой... вереницы колесниц. Верь в нашего Творца!

Водитель хмыкнул и крепче взялся за руль. Грузовик довольно ревнул и понесся еще быстрее. Через несколько минут впереди показалось скопление автомобилей, а дальше еще и еще, между ними даже человек не протиснется, многие открывают дверцы, уже изнывая от жары под нещадным солнцем, орут на виновников аварии, ругаются между собой, а конца-края вереницы не видно.

Водитель хмыкнул.

– Ну все, один раз живем... Не передумал?

– Господь с нами, – ответил Михаил.

– Сейчас проверим, – проговорил водитель.

Он вжал подошвой педаль, автомобиль начал наращивать скорость. Из множества автомобилей начали выглядывать из окон и распахнутых дверей на приближающийся рев. Грузовик, красиво и мощно набирая скорость, понесся по обочине, где края колес уже на палец проскакивают над краем бездны.

Лицо водителя приняло восторженно-дикое выражение, в глазах свирепый блеск, заорал, не отрывая взгляда от дороги:

– Йе-ху-ху! На abordаж, каналы!

Из застрывших автомобилей выскакивали и с ужасом смотрели на мчащийся с ревом огромный грузовик, а он несется по краю пропасти, едва не задевая их элегантные легковые автомобили. С другой стороны только бескрайнее море, где обрыв то подходит к колесам вплотную, то отодвигается на пару сантиметров.

– Живем? – прокричал водитель лихо в непонятном веселье.

– Все хорошо, – заверил Михаил.

Его человеческое сердце сжалось в тревоге, водитель еще не видит, что впереди из нависающего над океаном края земли недавно вывалился огромный валун. Переднее колесо обязательно ударит в яму над пропастью.

– Не сбавляй скорость, – велел он водителю. – Проскочим.

Тот изменился в лице, тоже увидел, но сказал с жаром:

– Да, прямо в ад!

Мотор взревел, тяжелый грузовик уже летит, как снаряд, Михаил сосредоточился и сделал нужное усилие, чувствуя, как без труда приподнимает автомобиль вместе с его прицепом.

Колеса с силой ударились на той стороне, водитель едва удержал рвущуюся из рук баранку руля, на бледном лице глаза стали огромными и почти сумасшедшими.

– Это что же, – прошептал он, – мы... проскочили?

– Следи за дорогой, – строго сказал Михаил.

Еще с минуту огибали вереницу автомобилей, наконец проскочили мимо двух перевернувшихся машин, из одной все еще вытаскивают окровавленные тела и укладывают на разложенные рядом на земле носилки.

Водитель резко повернул руль, грузовик с облегчением сдвинулся на асфальт шоссе и понесся уже свободно и с тем ликованием, когда можно вот так по прекрасной свободной дороге, не встречая ни соперников, ни попутчиков.

– Жесть, – выдохнул водитель. – Да никогда в жизни... Это же сколько разговоров будет! Сегодня же телевизионщики набегут... Хотя, если честно, я в Бога не верю.

– Важно то, – сказал Михаил нравоучительно, – что Он верит в нас. Все еще. Несмотря на.

Глава 2

Дальнобойщик высадил его у аэропорта, тепло попрощался и пожелал удачи. Грузовик глухо взревел, снизу стрельнули струйки дыма, словно только что из ада, и тяжелая машина покатила дальше по такой идеальной дороге.

Михаил с тоской смотрел на роскошное здание аэропорта, чувствуя себя слабым и беспомощным. Его предупреждали, что даже единичный всплеск насторожит противника, но если останется единичным, все успокоится, однако он допустил уже три: вошел в тело убитого, поджег курительную бумажку водителя колесницы, а еще и удержал грузовик от падения с обрыва.

И сейчас, побродив среди толпы человек в огромных залах аэропорта, ознакомившись, как здесь что работает, с тоской понял, что предстоит еще одно нарушение, а оно не останется незамеченным. А иначе как проникнуть на борт громадной летающей колесницы?

— Семь бед — один ответ, — слышался рассудительный голос в сторонке, там один человек держит второго, совсем понурого, за плечо и втолковывает: — так и скажи прямо: загулял, пропил, переспал, все деньги тю-тю... Так даже лучше, чем врать, юлить и оправдываться! Зато одним ударом все узлы...

Михаил поморщился: этот человек уже готов для ада, да и второй тоже, хотя совет вообще-то неплох в его ситуации.

Он отошел под защиту большого рекламного щита, от входа раздались ликующие крики, там в кольце охраны появилась блистательная женщина, по виду дорогая куртизанка, народ ринулся в ее сторону, а Михаил сосредоточился...

...и в то же мгновение очутился в просторной комнате, очень просторной и с богатой мебелью, а в двух шагах мужчина с фужером вина в руке смотрит на него с великим интересом.

— Здравствуй, Михаил, — сказал он слегка насмешливо. — Давно не виделись, не правда ли?

На неприятно красивом лице с крупными черными глазами ни проблеска страха, что не понравилось Михаилу. Порочные губы хозяина кривятся в улыбке превосходства, а сам он держится подчеркнуто уверенно и победно.

Михаил посмотрел на него исподлобья.

— Азазель?... Вот уж не ожидал...

— Почему? — поинтересовался Азазель. — И на старуху бывает проруха. Я сам понял, что допустил оплошность. У вас заметили быстро, кто бы подумал...

Михаил сказал обрекающим голосом:

— Даже самый изворотливый и хитрый демон когда-то да ошибается. Ты уже знал, что за тобой прибуду именно я?

Азазель сказал насмешливо:

— Я следил за тобой с момента, как ты материализовался в этом теле, что сидит на тебе, как прекрасно пошитый костюм. Правда, хороший выбор. Ты и в бестелесном такой же прямой, с каменной мордой и весь из себя чист, прост и нестигаем.

— И ты за мною следил, — переспросил Михаил, — здесь, на земле?

Он окинул взглядом комнату. На столе два фужера, в ведерке со льдом бутылка шампанского, на тарелочках разложена различная снедь. Даже букет цветов в дорогой вазе из редкого сорта фарфора.

— Конечно, — сообщил Азазель. — Ты же поднял такой шум, что только абсолютно глухой не услышит. Куда больший, чем когда я... даже не помню, что я сделал. Первый раз ты встряхнул наш эфир, когда вошел в это тело, второй — поплыл к берегу, используя добавоч-

ную мощь, третий – удержал тот грузовик, не давая слететь в пропасть, четвертый – прыгнул с той стороны планеты прямо в мою квартиру... Я все сказал верно?

Михаил проговорил с неудовольствием:

– Это не спасет и даже не отсрочит твое возвращение в ад. Хотя странно, что ты даже не попытался скрыться...

Лицо Азазеля несколько помрачнело, он вздохнул и развел руками.

– Знаешь, – произнес он непривычно невеселым голосом, – я уже устал прятаться и скрываться. Это для тебя с тех времен прошел час или даже минута, а для меня шесть тысяч лет, да еще и с хвостиком... Уже устал...

– Хорошо, – отрубил Михаил жестко, – возвращаю тебя в ад именем Творца...

Азазель торопливо вскинул свободную от фужера руку.

– погоди! Я не противлюсь твоей воле, просто хочу сперва сообщить нечто важное.

Михаил отрезал:

– Для меня важно вернуть тебя в ад.

– погоди, – повторил Азазель. – Это не хитрость!.. Очень важное, и ты очень будешь жалеть, что не выслушал.

Михаил задержал руку в карающем жесте.

– Говори, но очень быстро.

– Я знаю одного из ваших ангелов, – проговорил Азазель ясным голосом, – который тоже сбежал и живет здесь, среди людей!

Отвращение передернуло Михаила с такой силой, что лязгнули зубы.

– Врешь, – произнес он карающим голосом. – Одно дело – сбежавший из ада демон, другое – светлый ангел!

– А ты проверь, – сказал Азазель очень серьезно. – Проверь!..

Михаил нахмурился.

– Говори, кто это.

Азазель чуть перевел дух, заговорил уже свободнее:

– Так не делается. Я скажу, а ты сразу забросишь меня в ад. Нет, давай по-честному!.. Если я соврал, в то же мгновение забрасываешь в ад. Если сказал правду, остаюсь...

Михаил нахмурился.

– Да ни за что.

– Понял, – сказал Азазель быстро. – Правила и устав караульной службы, что выше нас всех и на чем держится мир, не позволяют. Но тогда на время. Скажем, на год?... Что для нас, бессмертных, время?... Что год, что тысяча лет...

Михаил покачал головой.

– Нет.

– Тогда на месяц, – сказал Азазель. – Ладно, ты все так же несгибаем и непокобелым, как Александрийский столп, вижу. Неделю!.. Или я ни слова.

Михаил смерил его испепеляющим взглядом.

– Хорошо. Даю слово. Говори, и если не соврал, разрешу тебе находиться здесь еще целую неделю. Но под моим присмотром. Я тебе не верю, Азазель.

Азазель расслабил напряженные мышцы, вздохнул и сказал совсем другим голосом:

– Сейчас поедem к нему, у меня новенькая «Тесла». Или предпочел бы туда во мгновение ока?

Михаил покачал головой.

– Уже понял насчет... всплеска. Поедем на твоей колеснице.

Азазель проговорил заинтересованно:

– Точно? Уже интереснее, раньше ты не отличался сообразительностью... Пойдем. Сири, запримечай дом и никого не пускай!

В комнате прозвучал милый женский голосок:

– Принято.

Азазель хлопнул себя по лбу.

– погоди, тебе нужно чуть-чуть приодеться. Давай я тебе помогу...

Михаил не успел возразить, как Азазель повел перед ним ладонями. Михаил ощутил, что костюм на нем сидит как-то удобнее, на запястье появился ремешок из дорогой кожи с непонятной вещью, ах да, это здесь называется часами, а башмаки изменили как цвет, так и фактуру.

– Готово, – сказал Азазель.

Входная дверь распахнулась перед ними сама, Михаил оглянулся.

– У тебя в квартире демон?

– Да, – ответил Азазель легко. – Мелкий. Очень мелкий.

Михаил нахмурился.

– Странно, я его не увидел.

Азазель рассмеялся чему-то, Михаил вышел за ним, на просторной площадке распахнулись дверцы в странно небольшую комнатку. Азазель шагнул туда первым, Михаил с колебанием двинулся следом.

– Первый, – сказал Азазель.

Михаил не понял, что он сказал и зачем, но спросить не успел, пол словно рухнул, страх пробежал по телу, но Азазель спокоен, и Михаил постарался не выказывать тревоги.

Когда дверцы ускользнули в щели, Азазель снова вышел первым, Михаил старался не показывать изумления, очутившись в просторном зале уже внизу, судя по ощущениям, хотя окон нет, свет здесь неестественно яркий, под стенами и в центре выстроились в несколько рядов блистающие автомобили.

Азазель взмахнул рукой, один мигнул фарами и послушно выкатился навстречу.

– Оба сиденья, – произнес Азазель.

Автомобиль распахнул дверцы с обеих сторон, Михаил всмотрелся настороженно, но с виду груда из металла, кожи и непонятных материалов, присутствия демона не чувствуется.

Азазель сказал понимающе:

– Михаил, мир меняется быстро. Садись.

Сам он опустился на сиденье слева, как тот дальнбойщик, а Михаил сел уже привычно справа.

– Пристегнись, – велел Азазель, а когда Михаил только нахмурился, сам дотянулся до ремня на его стороне, обхватил им Михаилу грудь, сунул кончик вниз между сиденьями, там щелкнуло, и Михаил ощутил, что ремень не дает ему наклоняться вперед.

– Думаешь, – буркнул он, – эта ловушка меня удержит?

– Михаил, – сказал Азазель с досадой. – Как же много тебе предстоит узнать...

– И знать не хочу, – отрезал Михаил. – Дольше, чем неделю, я здесь не проторчу. Да и то, если ты не соврал, ты же Азазель, для тебя врать и хитрить – радость и счастье.

Азазель включил зажигание, сразу же со всех четырех сторон зазвучала громкая музыка, автомобиль легко сдвинулся с места.

Азазель начал выруливать в сторону выхода из подземного зала, Михаил проговорил с великим раздражением:

– Да останови ты эту мерзкую музыку! Или вы, демоны, без нее жить не можете?

Азазель нехотя подвигал пальцем по экрану на панели авто. Там замелькали картинки, лица пестро одетых людей с музыкальными инструментами в руках, дьявольски омерзительными даже с виду, но отвратительно визгливые звуки стали тише, а потом оборвались вовсе.

– Думаешь, – сказал он покровительственно, – мы ее придумали?... Нет, это люди, все люди. Но интересная мысль, благочестивая музыка тоже не исчезла, хотя, честно говоря,

и не развивается. Надо тебя будет завезти в какой-нибудь из храмов по дороге... Послушаешь органную, детский хор, хоралы... Ух ты, как этот гад нас подрезал!.. Люблю лихачей. Недолго живут, зато красиво.

– И в ад попадают первыми, – буркнул Михаил. – Как только по их вине гибнут люди. Или даже получают увечье.

– Это да, – согласился Азазель, – но люди любят лихость, хотя это от слова «лихо». Говорят еще «бедовый», хотя беда тоже все-таки плохо... но у людей – странные существа – это похвала.

Автомобиль пронесся по изогнутой дуге наверх, там выметнулся под открытое небо. Азазель быстро вырулил между высотных домов на дорогу, Михаил смотрел в окно с содроганием, по обе стороны отвратительно огромный город, страшный и пугающий, дома куда выше и чудовищнее, чем Вавилонская башня, царапают плоскими крышами низко ползущие тучи, все здания с прямыми стенами, что непонятно, как только выдерживают свою исполтинскую тяжесть.

Небо неприятно темное, на востоке в зловещих тучах, солнце пытается пробиться то через одну, то через другую, не получается, только в щелях на короткое время прорывается золотой блеск, а затем снова за темным занавесом плывет светлый диск.

По невероятно высокому и длинному мосту проскочили на другую сторону реки, а дальше видны еще такие же мосты, похожие на римские акведуки, только намного выше, ажурнее, сотканые из неведомых материалов, увешанные гирляндами ярких светильников, крохотных, но дающих слепящий свет.

Азазель косился на него с некоторым удивлением.

– Ты что, всего этого не видел?

Михаил пробормотал:

– Видел, но издали не так отвратительно. Сверху смотришь, как на гниющее болото, но сам высоко и знаешь, что чист.

На той стороне реки дома еще выше, везде яркие и развратно одетые люди, а когда Азазель приостановился перед перекрестком, зачем-то кивнул на светильник с тремя круглыми окошками: красным, желтым и зеленым, к автомобилю подошли две смеющиеся женщины, молодые и хорошо одетые, от них пахло дорогими благовониями.

Одна наклонилась, крикнула задорно в окошко:

– Мальчики, айда с нами в клуб!

Михаил поспешно отодвинулся, женщина в изумлении вскинула брови, Азазель сказал поспешно:

– Девушки, мой друг чистый метросексуал... или асексуал? Да-да, асексуал!

Женщина заявила уверенно:

– Я любого асексуала и даже несексуала сделаю сексуалом! Разница только в затраченном времени.

– Я быстрее, – сказала авторитетно ее подруга. – Ты слишком по старинке, а я по науке. Парниша, пойдем, угощу тебя кофе. Плачу я, не беспокойся. Обожаю ребят, которые ломаются.

Вторая хихикнула:

– Это так возбуждает!

Сзади их автомобиля нетерпеливо бибикнуло, Азазель крикнул:

– Все-все, идем!

Автомобиль рванулся вперед, Михаил сказал с отвращением:

– Продажные женщины. Похоть, разврат, сластолюбие...

– Гм, – ответил Азазель, – вообще-то прав, но в одном ошибся.

– В чем?

– Мир изменился, – пояснил Азазель. – Ты не слышал о безусловном базовом доходе, верно? Продажных женщин не осталось. А эти сами могут заплатить. Любительницы съема на ночь. Кто-то ищет острых ощущений, кто-то мстит мужу, кто-то развлекается...

Михаил прошипел люто:

– Господи, почему не уничтожишь и этот город разврата, как Содом и Гоморру?...

Азазель хмыкнул.

– Пришлось бы устраивать новый потоп, таких городов тысячи. Если уж точно, то других, которых ты назвал бы праведными, вообще нет.

Михаил дернулся, посмотрел дикими глазами, но смолчал, лицо Азазеля такое, что да, говорит правду и только правду.

– Кто тот ангел, скажешь?

Азазель помедлил, пожал плечами.

– Видишь ли, он успел за это время преуспеть... Открыл собственный дом моды, под его патронажем выходят новые парфюмы, изготавливаются серьги, это он придумал и ввел в моду пирсинг для мужчин.

Михаил сказал с отвращением:

– Отвратительно!.. Демон, понимаю, но чтоб так светлый ангел?

– Не суди слишком строго, – сказал Азазель. – Основная масса ангелов – бессловесное стадо, как вон ты, но лучшие возмутились, когда Творец такой прекрасный мир решил отдать не нам, а человеку.

Михаил грозно сдвинул брови:

– Лучшие?

– С их точки зрения, – ответил Азазель уклончиво. – Всевышний считал, что мы, жители Брия, и так властелины светлого нематериального мира, а в мире из грубой материи хозяевами должны быть существа из нее же...

Михаил поморщился.

– Не начинай так издалика.

– Как скажешь, – согласился Азазель. – Так вот, одни стерпели и подчинились, как вот ты, весь из долга и чести, другие выступили против в открытую, как Сатан, за что ты, как опора режима, после долгой битвы низверг его в глубины ада...

– А третьи, – прервал Михаил, – как вон ты и двести ангелов, поддержавших тебя, спустились на гору Хермон и начали жить среди людей... Хочешь сказать, и сейчас такое возможно?

– Этот сбежавший из самого рая, представляешь, преуспевает, – сказал Азазель. – Мужчины всегда хотели нравиться женщинам, но помалкивали, а когда он сумел убедить, что для этого нужно одеваться красивее, прихорашиваться, прыскаться дорогими духами и выглядеть не суровыми бойцами, а этакими женственными...

– Дрянь, – сказал Михаил с отвращением. – Нужно побыстрее его в Брию.

– Говори, – посоветовал Азазель, – на небесный суд. Здесь Брию называют просто небесами.

Михаил все еще пребывал в невеселой задумчивости.

– Насколько я слышал, ваш демон Сактуфа подбивает мужчин наряжаться и пользоваться духами, чтобы нравиться женщинам?

– Выходит, – заметил Азазель, – между ангелами и демонами не такая уж и разница. Да ты и сам знаешь.

– Сколько еще? – спросил Михаил нетерпеливо.

– Уже подъезжаем. Здесь он под именем Рафика Закирова.

Глава 3

Михаил умолк, все еще с отвращением рассматривая так не похожие один на другой районы города. Дома наверху пылают в яростном солнце, внизу тень, но, как и вчера, такое же сумасшествие цвета от ярких автомобилей, одежды женщин и даже мужчин, плакатов, призывов, рекламы и всевозможных вывесок, где помимо надписей очень искусно нарисованы красивые женщины, еда, бутылки с вином...

Автомобиль наконец замедлил ход, пробираясь между такими же, Михаил вертел головой, рассматривая перетяжки реклам над дорогой, фонарные столбы, семафоры на перекрестках дорог.

Азазель бросал короткие реплики, иногда поясняя, но еще чаще его объяснения запутывали еще больше. В центре города дома из монолитного камня, все солидные, смотрятся старинными в сравнении с торчащими в небо блистающими башнями из стали и пластика.

Михаил не заметил, как автомобиль, повинуясь баранке руля в ладонях Азазеля, прижался к бордюру и остановился, неподвижный, как придорожный валун.

За всю дорогу Михаил не слышал, чтобы в автомобиле ревело его механическое сердце, как там под ногами дальнотойщика, так и сейчас абсолютная тишина, но Азазель повернул ключ тем же жестом, словно заглушал бесшумно работающий мотор.

– В этом доме, – произнес он, не поворачиваясь к Михаилу, – на двенадцатом этаже. Видишь вон на первом витрины ювелирной ерунды? Прямо над нею строго вверх отсчитывай двенадцать окон, слева от двенадцатого еще три, плюс просторная лоджия. У него богатые апартаменты. На небесах живут поскромнее, верно?

– А ты идешь? – спросил Михаил.

– Подожду здесь, – ответил Азазель с заминкой. – Не люблю насилия. Да ты не думай, бежать не стану. От тебя не скроешься, знаю. Просто мы с ним хоть и не дружили, но как-то неловко... Будто предал.

Михаил взглянул с надменным изумлением.

– Чего-чего?... Разве для тебя предательство не было привычным состоянием? К тому же он все еще ангел, а ты демон.

– Михаил, – ответил Азазель со вздохом. – Много в мире изменилось.

– Ничего не изменилось, – отрезал Михаил.

– Это в твоём не изменилось, – произнес Азазель. – Думаю, по замыслу Творца там и не должно ничего меняться. Главное, во что ты пока не поверишь, происходит по его замыслу здесь...

Михаил, не дослушав этот бред, вышел из автомобиля, негромко хлопнув дверцей. Дом богатый, солидный, выстроен в чуточку консервативном стиле, даже с небольшой чугунной оградой и просторной стоянкой для автомобилей, хотя в таких домах для каждой квартиры предусмотрен подземный, как говорит Азазель, гараж.

Консьерж приоткрыл окошко.

– Простите...

– Я к господину Закирову, – ответил Михаил солидно, как и инструктировал Азазель. – По делам бизнеса.

Он перехватил оценивающий взгляд на свои часы в корпусе из дорогого металла и с россыпью бриллиантов, на свисающее с шеи украшение с крупным бриллиантом, на костюм, даже сам Михаил ощутил, что смотрится в этом мире уверенно и солидно.

– Проходите...

Красный огонек сменился зеленым, а решетка моментально запрыгнула обратно в щель. Михаил направился к лифтовому ряду, там тут же приглашающе открылись двери ближайшего.

В лифте с двух сторон в потолке видеокамеры, словно одной недостаточно, домовый комитет подчеркивает заботу о солидных жильцах. Михаил хмуро подумал, что и такие мелочи он уже понимает, хотя все ускоряющуюся жизнь людей изучить досконально даже не пытался.

На нужном этаже остановился перед дверью, с той стороны доносится громкая музыка, игривый женский смех, голоса, поднял руку, намереваясь постучать, но задержался, вспомнив того человечка в здании аэровокзала и его семь бед – один ответ.

Четыре всплеска или пять – какая разница, особенно если этот всплеск будет совсем крохотный, почти незаметный.

Он вздохнул и прошел сквозь дверь, обращая на нее внимания не больше, чем на струйку теплого воздуха, и сразу чуть не оглох от дикого рева того, что сейчас считается музыкой.

Его передернуло от омерзительного зрелища пьяных развратных женщин на диване, почти голых, что смеются и передают друг другу бутылку с вином.

– Где хозяин? – спросил он.

Одна из женщин махнула рукой.

– Он еще там, в спальне... С Виолеттой.

Михаил двинулся деревянными шагами в ту сторону, дверь в спальню распахнута, но ему пришлось посторониться, оттуда вышла совершенно обнаженная женщина, посмотрела в его глаза, рассмеялась весело и зовуще:

– Красавчик, ты опоздал... Но, может быть, чуть позже... совсем чуть-чуть...

Михаил все еще ошалело переступил порог, с кровати только-только поднимается толстый мужчина с отвисшим пивным животом, помятый и с всклокоченными волосами.

– Ну и штучка, – сказал он, но уставился на Михаила, сказал сразу протрезвевшим голосом: – А ты кто?

– Пора расплачиваться, – ответил Михаил жестко.

– Мне расплачиваться? – спросил мужчина. – За что?

– Ты Закиров? – уточнил Михаил.

– Да, – ответил мужчина. – Даже голый я все равно Закиров!.. А ты кто?

Михаил ответил ровно:

– Кое-что пришел взять.

– Что? – вскрикнул Закиров. – Ту гребаную эллинскую вазу?... Так я ее честно купил у антиквара!.. Пусть и без всяких бумаг, но кто хочет платить лишние налоги?

Михаил покачал головой.

– Вазы меня не интересуют. За тобой грешки побольше...

– Щас я тебе предъявлю все бумаги, – сказал Закиров, он повернулся к тумбочке у кровати, выдвинул ящик, Михаил видел, как туда скользнула его рука, а через мгновение хозяин развернулся уже с пистолетом в руке, который сразу направил в грудь Михаила.

Михаил остался на месте, а тот вздохнул с облегчением, на лице появилась довольная усмешка.

– Не знаю, – сказал он, – как ты прошел, но здесь и останешься.

Михаил посмотрел на него с жестокой усмешкой.

– Вижу, – сказал он холодно, – ты совсем потерял нюх. А когда-то считался сообразительным.

Закиров дернулся, глаза расширились в испуге.

– Ты о чем? Я ничем не занимаюсь! И ни в чем не замешан!

– Замешан, – заверил Михаил. Он дотянулся до двери, захлопнул ее за собой, рев музыки стал намного тише, хотя полностью не утих. – Не знаю, как долго ты здесь, но все же выдал себя...

Тот воскликнул:

– Чем выдал?

– Не знаю, – ответил Михаил, – да и важно ли это?... Я ощутил неладность. Там ощутил, ты же понимаешь, о чем я. И откуда я. Потому и твой пистолет, Теоганель, меня остановить не может. И вообще ничто здесь, в этом мире.

Теоганель некоторое время смотрел непонимающе, затем лицо исказилось в ужасе. Пистолет дернулся в его руке, осечка, еще одна, еще... Теоганель побледнел.

– Теоганель, – произнес Михаил, – ты в самом деле опустился...

Теоганель, уже смертельно бледный, отпрыгнул, как от огня, прижался спиной к старинному книжному шкафу, пистолет все еще держит перед собой на вытянутых руках, но понял наконец и в горестном жесте беспомощности опустил стволом вниз.

– Ты... тот самый...

Михаил сказал без особого интереса:

– Кто? Меня кем только не называли с обеих сторон. Все еще не узнал?...

– Трудно поверить, – прошептал Теоганель, – что за мной явился сильнейший из архангелов, сам верховный стратиг небесного воинства...

– Вообще-то я не за тобой, ничтожество, – сказал Михаил безжалостно. – Но и ты пойдешь на суд.

Теоганель вскричал:

– Михаил! Какое же это нарушение? Вспомни, однажды Творец сам разрешил ангелам спуститься на землю и пожить среди людей, чтобы лучше узнать его творение... Двести ангелов сошли с бунтующим Азазелем на гору Хермон! И жили там, брали в жены земных женщин...

Михаил произнес холодно:

– А чем закончилось? Наплодили таких чудовищ, что Творец вынужден был смыть все это непотребие всемирным потопом!

Теоганель сказал торопливо:

– Но были сделаны выводы, Михаил!.. Мы уже давно здесь, а где ты видишь чудовищ?

Михаил дернулся, словно попал под удар Божьего Гнева.

– Мы?

Теоганель поспешно выставил перед собой руки:

– Это в переносном, переносном! Я говорю вообще, мы же присутствуем в этом мире, хоть и не присутствуем!.. И если кто-то еще такой отыщется, в чем сильно сомневаюсь, то никто ни с кем не сговаривался!.. Мы же знаем, такое рано или поздно привлечет внимание твое или всеслышащего Хокмы!

Михаил покачал головой.

– Что-то мне кажется, – произнес он нещадно, – ты не оговорился.

– Михаил! – воскликнул Теоганель. – Клянусь... но если не веришь, я весь перед тобой раскроюсь...

Михаил отмахнулся.

– Верю-верю, не знаешь. Вернее, вижу. Что ж, возвращаю тебя обратно. А там решат, как тебя наказать за такой тягчайший проступок.

Он протянул руку.

– Во имя Творца...

Вспыхнул чистейший свет первого дня творения, Теоганель инстинктивно вскинул голову, словно там откроется портал, но свет исчез, как и сам Теоганель.

Михаил поморщился. Теоганель слишком долго жил здесь, Брия не выше, как думают люди, не ниже и не где-то еще в стороне или в параллельности. Этот мир здесь, Асия в нем, как сама Брия в Иецире, а тот в Ацилуте, но только из Ацилута видно все четыре мира, как из Брии видно только Асию, а в Асии никого не видят, кроме себя.

Он вздохнул, почти без усилия возник на сиденье автомобиля, вздрогнул. Азазеля нет, хотя тот самым искренним тоном заверял, что будет ждать его здесь.

Пока лихорадочно раздумывал, что делать, дверь парадного распахнулась, на площадку вышел Азазель, на ходу укладывая в сумку на боку небольшую металлическую коробку.

Михаил ждал, автомобиль услужливо распахнул в ожидании хозяина дверцу. Азазель вприпрыжку спустился по ступенькам крыльца, зашел слева и с довольным видом опустился на сиденье.

– Все, – сказал он с довольной усмешкой, – можно и обратно.

Михаил спросил подозрительно:

– А ты что делал?

Азазель усмехнулся, что не понравилось Михаилу, слишком уж покровительственно.

– Подчищаю за тобой.

Михаил ответил строго:

– Он отправлен в Брию вместе с телом, что исчезнет по дороге. Никто ничего не найдет.

– Да? – спросил Азазель все так же свысока. – Ты всемогущ, но...

– Всемогущ у нас только Творец, – строго напомнил Михаил.

Азазель кивнул.

– Да-да, конечно. Любишь ты изрекать аксиомы! Или это лемма?... Сири, давай гони домой, но перед видео-камерами притормаживай. Михаил, тебе щас или лучше потом разжевать? Тебе же надо пояснять на пальцах, ты же умный, только так и поймешь.

Михаил без охоты потянул на себя ремень, пристегнулся, чувствуя удовлетворение, что сумел попасть металлическим язычком в пряжку с первого раза.

– Ну?

Автомобиль плавно сдвинулся с места и пошел по шоссе, быстро набирая скорость и обгоняя другие автомобили.

– Как прошло? – спросил Азазель в ответ.

Михаил нахмурился, нельзя позволять демону дерзить архангелу, но тот помогает, потому ответил, хоть и без охоты:

– Ты был прав. Там обитал Теоганель, некогда могучий ангел.

– И как он?

Михаил повел плечами.

– Думаешь, хотел возвращаться? Там его ждет строгий и праведный суд равных ему ангелов.

Азазель спросил быстро:

– В комнате разгром?... Думаю, вспышку света заметили по всему кварталу! Ты и не подумал как-то скрыть?

Михаил сказал надменно:

– Я был послан сюда найти тебя. Но отыскал еще более опасного преступника, потому моя задержка оправданна.

– Ого, – сказал Азазель с ноткой обиды. – Неужели он опаснее?

– Ты демон, – огрызнулся Михаил, – был и остаешься врагом, а он был светлым ангелом! Он поправил все, что можно было поправить и чего поправить было нельзя. Потому такое от небес зачем скрывать?

– А от людей? – спросил Азазель зло. – Никто не должен зреть работу сверхъестественных сил! А такая вспышка... с ума сошел? Надо было скрыть.

Михаил буркнул:

– Какая разница? Свет есть свет.

Азазель посмотрел на него свысока, даже стал выше ростом и, как показалось рассерженному Михаилу, обязательно распустил бы павлиний хвост пошире и повыше, если бы обзавелся.

– Эх ты... римлянин! Свет первого дня творения – это не свет от электрической лампочки! Кто-то из землян мог заинтересоваться необычным спектром... Правда, не сейчас, когда идет последняя пятнадцатиминутка матча «Француз» против «Габая»...

– Ничего не понял, – отрезал Михаил резко. – Ты можешь яснее?

Азазель сказал с подчеркнутой скукой, словно общается с полнейшим идиотом и с удовольствием дает ему понять, что тот идиот:

– Ты очень могуч, но оторвался от реалий. О видео-камерах слышал?... Вот-вот, вижу по твоему красивому мужественному лицу, что все еще на уровне римского легионера... ладно-ладно, пусть центуриона или даже легата. Тут эти с интеллектом римских консулов с отбойными молотками воюют со старым асфальтом, а центурионы орудуют с метлами...

Михаил сказал резко:

– Не распускай хвост! Что не так?

– Теперь записывается, – пояснил Азазель, ничуть не обиженный, настолько чувствовал свое превосходство, – вход в каждый дом, магазин или на парковку!.. А в домах тем более. Я даже не стал проверять, есть ли в квартире Теоганеля установленные видеокамеры. Наверняка есть! Потом просматривают, роняя слюни.

Михаил сказал настороженно:

– Хочешь сказать, кто-то из людей мог видеть, как я отправлял его через портал? Святое сияние?...

Азазель ухмыльнулся.

– Не хотелось, чтобы кто-то увидел?

Михаил взглянул в упор.

– Чему радуешься?... Мне совсем не нужно, чтобы люди заинтересовались. Все должно идти так, словно в мире нет ни ангелов, ни демонов. У тебя есть решение?

– Уже решил, – напомнил Азазель. – Тебя где посадить?

Михаил подумал, пожал плечами.

– Лучше к тебе, у меня много вопросов. Да и вообще... Зря я тебе дал эту неделю. Теперь и мне торчать здесь эти семь дней.

Азазель вскинул в изумлении брови.

– А кто мешает вернуться на небо, а через неделю явиться?

Михаил поморщился.

– А сейчас вернуться с пустыми руками?...

– Но ты им дал Теоганеля!

– Верно, – нехотя признал Михаил. – Но все же лучше вернуться с тобой. Так буду чувствовать, что выполнил все.

– Ах да, ты же образцовый служака. Давай заглянем вон в тот бар впереди. Там всегда можно поговорить спокойно.

Глава 4

Михаил смолчал, только кивнул нехотя. Азазель не хочет везти его к себе, что и понятно, а в бар так в бар, демону виднее, он здесь жил неизвестно сколько дней, недель, а то и лет.

– Сири, – сказал Азазель, – давай по дороге в бар!.. Только в бар, а не в бордель, а то тебе все время что-то чудится.

Автомобиль на ближайшем перекрестке резко свернул, пронесся по переулку, затем выкатил на параллельную улицу и погнал по ней, останавливаясь только перед красным огнем светофора.

– Вообще-то, – сказал Азазель с таким самодовольством, что даже щеки округлились, – можно сказать, я тебя спас. Разрешаю в благодарность хоть и не целовать меня ниже спины, как стоило бы, но должок припомню... В общем, всплеск многие ощутили, это точно, но из людей никто не увидел и не увидит.

Михаил вздохнул с облегчением.

– Сволочь ты, но... хорошо, что сумел.

– Трудно тебе придется без меня, – заметил Азазель. – Ты же не знаешь реалий!..

– Не придется, – ответил Михаил сурово. – Забираю тебя через неделю, и возвращаемся обратно.

Азазель вздохнул, лицо его помрачнело.

– Воля твоя. Мне казалось, все же задержишься дольше.

– Зачем?

Азазель пожал плечами.

– Ты уже понимаешь, я здесь не один. Еще больше сбежавших из ада. Но на мой взгляд, хуже всех все же нефилимы.

Михаил дернулся.

– Нефилимы? Разве Творец не стер их всех с лица земли всемирным потопом?

– Стер, – подтвердил Азазель. – Но ты же помнишь, откуда взялись те существа? Ну вот тебе и ответ. Даже ты можешь понять при некотором усилии мозговых бицепсов.

Автомобиль начал сбрасывать скорость и красиво подкатил к бордюру. Михаил отстегнул ремень, но прежде чем выйти, поинтересовался:

– А как ты сделал, что никто не увидит?

Азазель фыркнул:

– Да способов десятки. Просто вырубил подачу света во весь дом.

– Света?

– Электричества, – уточнил Азазель чуть раздраженно. – Простой народ называет его светом. То есть молится за победную поступь прогресса! В полдень есть свет или нет, не так важно для освещения, но камеры отключаются... Сири, вон к тому бару! Сама выбери место поближе ко входу! Можешь на служебную, штраф уплачу.

Михаил поинтересовался:

– Штраф? Это значит, нарушаешь?

– По мелочи, – заверил Азазель. – Кстати, Михаил... там наверху мое имя не упоминай, ладно?

Михаил ответил с легким презрением:

– Да, конечно. Хотя не понимаю, это же небесного ангела поймали на преступлении! Почему тебе не понаслаждаться, что приложил руку к его низвержению в ад?

Азазель ответил с некоторой запинкой:

– Да просто... не упоминай, вот и все. Считай, что я как бы скромный. Красивый, нарядный и такой весь из себя скромняга.

Когда вышли, Азазель через пару шагов вскинул руку над головой, раздвинул пальцы и сделал в воздухе короткий и по-азазелевски небрежный жест.

Михаил оглянулся, автомобиль Азазеля пискнул, мигнул фарами, внутри него свет сменился тьмой, и весь затих так, словно умер.

– Это что было? – спросил Михаил настороженно.

Азазель вздохнул.

– Ты когда последний раз был на грешной земле?

– Она всегда грешная.

– Не вилай, – сказал Азазель отдельно и четко, – когда был на земле в прошлый раз?

– Недавно, – ответил Михаил. – Во времена императора Траяна.

– А-а-а, – сказал Азазель с сарказмом, – ты прав, это же прямо вчера! А то и сегодня утром, если по галактической шкале. Вот если бы во времена Цезаря или когда Рем убивал Ромула...

Михаил нахмурился: этот грешник упивается своим превосходством, даже забыл, что через семь дней ему либо в ад, либо предстанет перед небесным судом из суровых и непорочных ангелов, у которых не бывает снисхождения к провинившимся.

– Изменилось много, – согласился он. – Города стали огромными, колесницы бегают без лошадей.

Азазель прервал:

– Это все ерунда! Увидишь, как изменилась мораль... Хочу посмотреть, как тебя перекоржит. От счастья, разумеется. Мечты сбываются! Мужские мечты. Правда, женские тоже, только женщины еще не сообразили, что их бесстыдно надули.

– Ты о чем?

– Увидишь, – пообещал Азазель.

У входа толпятся группы веселой хохочущей беспечной молодежи. На них двоих почти не обратили внимания, только две-три женщины оглядели с ног до головы оценивающе, но ничего не сказали, продолжая щебетать между собой на своем птичьем языке.

Михаил прошел вслед за Азазелем под светящейся аркой в зал, где столиков совсем немного, пространство отдано под танцы, только под дальней стеной длинная барная стойка с высокими табуретками с этой стороны, а с той жонглирует бутылками высокий и картинно мускулистый бармен с голыми плечами, где замысловатое тату в виде драконов уходит далеко под одежду.

Азазель повел к стойке бара, Михаил сел по его жесту, бармен взглянул с вопросом в глаза.

– Два «манхэттена», – сказал Азазель. – Я консерватор... Михаил, не раздумывай, пока отравить тебя не в моих планах.

– У тебя есть на меня планы?

– Еще бы, – сказал Азазель обиженно, – как и на мировое господство!.. У меня на все есть планы, как вон на тех двух цыпочек... Как они тебе?

Михаил залпом выпил коктейль, бармен по знаку Азазеля тут же начал готовить снова, уже что-то попроще и, судя по виду Азазеля, покрепче.

– Не интересуюсь, – ответил Михаил сухо, даже не посмотрев в ту сторону.

– Это зря, – сказал Азазель, – тогда, может, возьмем с собой пару сосудов нечистот?

Михаил поморщился.

– Женщин, что ли?

– Ну да, – сказал Азазель проникновенно. – Учитывай, ты теперь в теле человека. А судя по его характеристикам, он был достаточно активным и в этом плане.

– Ни за что!

Азазель пожал плечами.

– Дело твое. Но у тела свои запросы, ты, конечно, победишь, но столько сил потратишь, что мама не горюй. Уговорил?

– Нет, – отрезал Михаил. – А этот скверный напиток я глотаю для того, чтобы доказать тебе, мне эти соблазны неинтересны!

Бармен отвернулся, пряча усмешку, Азазель наклонился к уху Михаила и сказал тихонько, указывая взглядом на девушек поблизости:

– А давай, чтобы тебе стало стыдно, скажу, что вон та, с рыжими волосами, которую ты назвал сосудом греха и порока, работает в двух местах, чтобы содержать прикованную к постели престарелую бабушку? А еще на ее попечении младший братишка, за которым она присматривает и которого воспитывает в спортивно-милитаристском духе!

Михаил буркнул:

– А родители?

– Отец то ли бросил давно, – пояснил Азазель, – то ли его и не было официально. Мать спилась, за воровство попала в тюрьму. Вот девочка и крутится изо всех сил. За месяц это у нее первый выходной, подружки вытащили в бар, где сами тусуются каждый вечер.

Михаил сказал упрямо:

– Но это распутство! Гнусно и мерзко вот так следовать зову презренной плоти!

Азазель сказал со вздохом:

– Михаил... Люди всегда боролись с зовом плоти. Как-нибудь прочти о великих аскетах... Всю жизнь боролись и побеждали, побеждали, побеждали. Правда, ничем другим не занимались, потому что бороться с зовом плоти очень трудно, он никогда не умолкает и не сдается, но боролись и побеждали.

– Так это прекрасно! По этому пути и нужно было.

Азазель поморщился.

– погоди. Ты не понял, они больше ничего не делали! В конце концов другие люди нашли путь поумнее. Чтобы не бороться изо всех сил, причем – постоянно бороться!.. – додумались поддаваться зову плоти, а потом, насытив ее, занимались делом. Сейчас вообще зов плоти ничего не стоит, представь себе. Насытить легко и просто, а потом можно с чистым разумом решать дифференциальные уравнения и читать «Критику чистого разума» Гегеля.

Михаил сказал с великим отвращением:

– Это еще хуже!.. Я понимаю, человек слаб и может поддаться зову плоти, но затем должен быть полон стыда, раскаяния и отвращения к себе за такое падение...

– Да брось, – сказал Азазель. – Как будто у него дел больше нет. Работать надо, а не!.. Сейчас поддаться зову плоти совсем не стыд и не преступление, а мелкая физиологическая необходимость, вызванная некими процессами в организме. Настолько мелкая, что ей совсем не придают значения, что так хорошо для мира и прогресса в технологической сфере.

– Почему в этой... сфере?

– Самая важная, – ответил Азазель. – Потом как-нибудь объясню, а сейчас нам нужно выпить еще и снять баб.

– Ни за что, – отрезал Михаил.

Он повернулся спиной к женщинам, но не помогло, через пару минут с другой стороны подошли две молодые и яркие, как тропические бабочки, роскошные, на Михаила пахнуло волной изысканных духов.

– Мальчики, – прошептала одна, – не хотите купить дамам по коктейлю?... Нет? Ну тогда мы вам купим.

– Но за это изнасилуем, – пообещала ее подруга, с виду совсем юная и ярко накрашенная. – Но так... понемножку. Вы же слабенькие.

Михаил молча встал и направился к выходу. Азазель сказал со вздохом:

– Ревнует... но как-нибудь в другой раз, обещаю.

Он догнал Михаила уже на улице, автомобиль ожил, мигнул фарами и, подкатив ближе, распахнул обе дверцы.

Глава 5

В квартире Азазеля Михаил с порога окинул взглядом просторные апартаменты, только сейчас обращая на нее внимание, раз уж придется здесь дожидаться конца недели.

Воздух свежий и чистый, в отличие от уличного, идет со стороны странного блестящего ящика на стене. Из этой комнаты, что явно служит прихожей, ведут арочные проходы без дверей сразу в три стороны, кухня угадывается слева, а дальше комнаты то ли для отдыха, то ли, зная Азазеля, для развратных и порочных утех, таких привычных демонам и всему их нечистому миру.

Азазель прошелся по комнате, у дальней стены красиво повернулся к Михаилу с раскинутыми руками.

– Обстановка? Да, неплохо устроился. Несколько комнат, студия наверху, есть бильярдная и спортивный зал... Что так смотришь?... Теперь если нет спортивного зала, то ты как бы вне круга уважаемых людей. Раньше обязательным атрибутом была богатая личная библиотека, потом бильярдная, а теперь вот спортивный зал с машиной Смита и его же скамьей, набором разборных гантелей, и олимпийская штанга. Конечно, пара штанг с W-образным грифом, надо быть в тренде.

Михаил скользнул взглядом по всему этому суетному миру без интереса, подошел к одиноким книжным полкам. К его удивлению, большинство книг по богословию, теологии, ежегодники Папской Академии наук, труды отцов церкви. Все изданы очень богато, в кожаных переплетах, золотое тиснение, на некоторых и вовсе серебряные застёжки и замочки.

– Есть инкунабулы, – похвастал Азазель. – Нет-нет, ценю не за древность, там поменьше искажений и полного вранья, так характерного для каждого следующего издания. Религия всегда была политикой, а когда церкви начали ускользать из-под черных крыльев Ватикана, то у них вообще пошли свои объяснения всему на свете.

Михаил поинтересовался с иронией:

– Что же ты так под старину? Сейчас, насколько я заметил, мир весь из отвратительного... как его, пластика?... и блестящего металла.

Азазель развел руками.

– Многие люди свои квартиры обставляют примерно так, как у меня. Это успокаивает. В старине все понятно, там заботливая бабушка с пирожками, а современность пугает неизвестностью... Но на самом деле у меня хай-тек везде, а старина – лишь видимость. Шкурка. Мы, действительно состоятельные люди, не выставаем хай-тек напоказ.

В комнату вкатилась металлическая полусфера в диаметре с сиденье стула, покрутилась вокруг ног Михаила, пройдясь щеточкой по его ботинкам, и унеслась в другую комнату.

– Пылесос, – пояснил Азазель, – заодно и сторож. Садись вон там, кресло мягкое, стол близко. Можешь забросить на него ноги, ангелы все наглые.

Михаил нахмурился, но кресло, на которое указал Азазель, действительно в самом стратегически важном месте, откуда и обзор лучше, и стол рядом.

– Вино, – сказал Азазель, едва Михаил с осторожностью опустился в кресло, – коньяк, ром, виски, коктейли... кофе?

– А чай? – спросил Михаил.

Азазель изумился.

– Ты пьешь чай?

– Нет, – ответил Михаил, – но уже слышал, что кофе и чай что-то близкое.

– Ничего подобного, – отрезал Азазель. – Кофе – это кофе! Его пьют настоящие демонические демоны, а чай... даже и не знаю. Ангелочки, наверное?

– Значит, чая у тебя нет?

– И в помине!

Михаил сказал равнодушно:

– Тогда все равно. А соки есть?

– Яблочный устроит? – спросил Азазель. – Прекрасно. А еще пирожные у меня поистине ангельские. Нежнейшие, воздушные, лакомейшие... Хотя можно забросить в желудки что-то и понадежнее. А то ты еще не знаешь, что людям нужно есть... а то и жрать...

Михаил буркнул:

– Чувствую. И как ты живешь в таком?

– Уже которую тысячу лет, – сообщил Азазель хвастливо. – И все больше нравится.

– Позор, – сказал Михаил твердо.

Азазель повернулся в сторону кухни.

– Сири, приготовь нам... два ломтя телятины, если мой гость ест мясо, а то вдруг он презренный веган, хотя с такой мускулатурой, гм... Михаил, как насчет мяса?... Могу рыбу, в холодильнике две цельных горбуши... рассказать тебе, что такое холодильник?... а про горбуш?... могу яичницу, получена без крови животного...

Михаил отмахнулся.

– Здесь, на земле я по людским законам.

– Прекрасно, – сказал бодро Азазель, – попируем!.. Сири, да открой наконец окна!.. Люблю вид на город в ночи...

Шторы, отодвигаемые незримыми руками, поехали в стороны. Михаил ощутил холод по всему телу, за окном нечто ужасающее: не дома, а поставленные стоймя друг на друга светящиеся пчелиные соты, высокие настолько, что не сосчитать этажи, и только верхушки делают их разными, где-то плоские, но чаще с острыми шпильями, грозящими небу.

Далеко-далеко внизу светящиеся линии дорог, удивительно прямые, хотя теперь понятно, почему: колесницы этого века носятся с такой скоростью, что на поворотах просто вылетят за обочину.

А небо абсолютно черное, звезды совсем редкие, даже луна висит бледная, наполовину скрытая нечистым воздухом большого города.

– Мерзко, – произнес он и отвернулся, – лучше шторы задернуть и никогда не раздвигать.

– Сири, – велел Азазель, – задерни окна, а то у меня гость больно нервный и пугливый, как тамбовский заяц.

– Но-но, – сказал Михаил. – Полегче. Мне просто неприятна эта мерзость. Для тебя, понимаю, это не мерзость, ты и хотел быть среди людей и человеков.

– Это любимое творение Господа, – сказал Азазель елейным голосом. – Но ты, конечно, против Творца?

Михаил нахмурился.

– Он знает, кто за, а кто против, так что зубы не заговаривай.

Он отошел от окна подальше и сел к нему спиной на просторный и длинный диван из темно-красной кожи.

Азазель открыл дверцу шкафчика на кухне, оттуда мощно пахнуло жареным мясом и специями. Михаил сглотнул слюну, тело напоминает, что его нужно кормить, уже нацелилось хватать, жевать, проглатывать, человек такой же хищник, как и те, которых пожирает.

На кухне замигали огоньки, мелодичный голос доложил, что готов и пирог, но Азазель буркнул:

– Подержи пока, не давай остыть.

С подносом в руках он подошел к столику у дивана, Михаил приподнялся и помог переставить на столешницу из толстого стекла две большие тарелки и две поменьше. На

больших исходят одуряющими ароматами блестящие от горячего сока жареные тушки крупных птиц, а на меньших высятся горки шариков из запеченного мяса в подрумяненном тесте.

– Начали, – велел Азазель и, взяв тушку жареной птицы, разорвал пополам.

Облачко пара охватило Михаила, он не успел глазом моргнуть, как его руки уже ухватили ту, что на его блюде, и, выдрав толстую культипку, поднесли ко рту.

По пальцам потек горячий сок, он непроизвольно слизнул, услышал довольный хохот Азазеля, но уже не обращал внимания, а с наслаждением пожирал это нежнейшее белое мясо, вкусное и пропитанное сладчайшими ароматами.

Азазель насыщался молча и почти с таким же удовольствием, поглядывая, как наслаждается Михаил, а тот, утолив первый голод, продолжил поглощать пищу уже не так торопливо, даже посмотрел с подозрением на Азазеля.

– А ты почему ешь так мало?

– Напировался, – сообщил Азазель скромно. – Нет-нет, я чувствую удовольствие и отличаю изысканное от просто вкуснятины, но не впадаю в грех чревоугодия, к которому ты так близок.

Михаил задержал ломоть жареного мяса у рта.

– Что-что?

– Шутка, – сказал Азазель. – Но я вообще-то человек... что так смотришь?... я человек во всем умеренный. Ну почти человек. И всегда им был... если не считать период вседозволенности, когда мы, молодые и дерзкие, сошли на гору Хермон и готовились показать всему миру, как надо правильно...

– Показали, – буркнул Михаил. – Из-за вас пришлось всемирным потопом очищать всю землю.

– Согласен, – ответил Азазель, – мы наломали дров, но я сделал выводы. И прежние ошибки не повторяю.

– А новые?

Азазель посмотрел ему в глаза жутким немигающим взглядом.

– Ты ешь, ешь, а то остынет. Время покажет, ошибки они... или что-то другое. Обрати внимание вот на эти легкие блюда из птичек. Их вкушают после тяжелого мяса. Я, кстати, мясо вообще не стал готовить, ты непривычен, а птица здесь мясом не считается. Смотри, какая нежная... К ней вот эти вина, тоже полегче. Не красные, не белые, а вполне трансгуманистические...

Михаил хотел было отказаться, но рука как будто сама по себе потянулась за одуряюще пахнущими комочками, лоснящимися соком, пальцы ухватили, и вот он уже снова жует с наслаждением...

Ну что я за животное, мелькнуло в сознании, а как же другие, что еще слабее?

Азазель, что наблюдал за ним с сочувствием на лице, заметил словно невзначай:

– Тебе через семь дней возвращаться в Брий, соблазны отпадут сами собой. Потому не старайся противостоять уже сейчас. Зато будешь знать опасные ловушки этого мира.

Михаил буркнул недовольно:

– Это не я. Это моя презренная плоть требует.

– Ты ее скоро оставишь, – согласился Азазель. – К счастью и для тебя.

– Почему?

Азазель вздохнул, покачал головой.

– А сам как думаешь? Ты же великолепен!.. Чтобы не засветиться, воплотился на другой стороне планеты... Потом отъехал от той точки на попутке, а затем еще один всплеск поля – и ты здесь?

Михаил пробормотал настороженно:

– Примерно так. А что?

Азазель покачал головой.

– Ты еще и прекрасен. Все бы так умело прятали следы!.. Сыщики бы умерли с голоду.

– Не понимаю сарказма, – сказал Михаил сердито. – В конце концов, какой смысл скрывать? Забираю тебя, тут же исчезаем! Что не так?

– А люди? – спросил Азазель. – Ты не представляешь, какие у них теперь совершенные методы слежки и обнаружения!.. Ты когда последний раз был на земле, во времена фараонов?

– Римской империи, – буркнул Михаил. – Уже говорил. А что, разве Рим не вечен?

– Ничто не вечно, – сообщил Азазель кратко. – Как и сама вечность.

Со стороны кухни пропикало, милый женский голосок доложил:

– Сдобный пирог «Император Востока» тоже готов...

– Спасибо, Сири, – ответил Азазель. – Ты такая заботливая. Выходи за меня замуж?

Женский голосок невидимой Сири ответил рассудительно:

– Мы еще недостаточно хорошо друг друга знаем, а я девушка скромная и целомудренная. Да и закон еще не принят.

– Как так? – спросил Азазель. – Я слышал, приняли месяц назад!

– Нет, только на рассмотрении...

Азазель горестно вздохнул, а Михаил еще раз осмотрелся.

– Что за демон, которого не могу увидеть?

– Так тебе и надо, – сообщил Азазель. – Ладно, остынь. Это реалии мира людей, который мне нравится все больше.

– Отвратительный мир, – буркнул Михаил. – Еще хуже того, который Создатель в праведном гневе снес потопом с лица земли.

Азазель поднялся и неспешно сходил на кухню, что составляет одно целое с этой огромной гостиной. Пирог принес на огромной и широкой доске, похожей на сандаловое дерево, но вообще, как заметил Михаил, не из древесины.

Михаил помог установить на середину стола, Азазель воткнул нож, из разреза чвиркнуло горячим мясным соком. Запах ударил в ноздри Михаила с такой силой, что он снова ощутил себя голодным.

Азазель разрезал крупными ломтями, Михаил ухватил ближайший, ладонь ощутила приятную горячую тяжесть, а зубы тут же впились с таким неистовым наслаждением, в которое он минуту назад ни за что бы не поверил.

Азазель пробормотал с набитым ртом:

– Люди умеют поесть... Целая культура вокруг культа еды выросла!..

– Чревоугодие, – отозвался Михаил невнятно, – это нехорошо.

– Нехорошо, – согласился Азазель, – если чревоугодие. А если культура? Понимаешь, культ еды и культура еды вроде бы схожи, особенно для такого умного, как ты, для солдат вообще нет разницы, они все жрут, а не вкушают, но на самом деле это две большие разницы, а то и три, хотя вообще-то разница бывает только одна, но ты не бери в голову, ешь, голова у солдат для того и выросла.

Глава 6

Михаил со стыдом ощутил, что съел уже два больших куса этого бесподобного пирога и тянется за третьим, ужас какой, неужели плоть имеет такую власть, что ей ничем не противостоять? – от этой ужаснувшейся мысли даже волосы ошетинились, как при смертельной опасности.

– Это что же, – спросил он осевшим голосом, – все так плохо?

Азазель ответил с оптимизмом:

– Ты что? Напротив, все прекрасно и удивительно!

Михаил сказал с мукой:

– Как это может быть прекрасным, когда все человечество оказалось в миазмах греха! Хотя бы в лапах этого вот отвратительнейшего и такого... такого зовущего чревоугодия, а оно еще, как предполагаю, не самый худший грех!..

– Скажи еще, – сказал Азазель с иронией, – погрязло.

– Погрязло!

– Оно всегда было в грехе, – сообщил Азазель потрясающую новость, – я говорю о человечестве. Но когда удалось разделить плоть и душу, у людей появился шанс... Так что, знаешь ли, мудрый пророк Иисус был прав, когда сказал, что одна вставшая на путь исправления блудница для него ценнее сотни девственниц. Понимаешь ценность блудницы, что живет среди блуда в блудо-блудящем мире, но находит в себе силы встать на путь очищения и целомудрия души?... Еще не врубаешься?...

– Нет, – отрезал Михаил. – Мне отвратительно слышать вообще о блуде!

– Давай поясню, – сказал Азазель покровительственно. – На пальцах, для доступности, ты же командующий небесного легиона, стратиг, тебе нужно попонятнее, как любому военному. Особенно крупному.

– Ну-ну, не прыгай в сторону!

Азазель произнес покровительственно:

– В общем, и среди блуда можно не блудить, хотя и трудно. Это первое. Второе – сумевший отказаться от блуда в мире блуда получает закалку, иммунитет, защиту от блудовства. А это значит, если в Содоме Всевышний не мог найти десять праведников, то теперь в любом из этих современных городов их уже сотни, тысячи!.. Вот еще одна причина, почему сейчас тот вариант с потопом немислим.

– А блудящих? – спросил Михаил угрюмо. – Сколько здесь блудящих?

– Миллионы, – ответил Азазель небрежно, – но их можно не считать. Мир держится, сам знаешь, не на слабых, хоть их всегда и везде больше. Мир стоит на праведниках!.. Ты ешь, вон еще кусочек остался. Доедай, а сейчас перейдем к «Императору Востока». Это уже десертный пирог, без всякого мяса, рыбы и даже птицы.

Михаил покачал головой.

– Все, в меня уже не влезет.

– Ха, – сказал Азазель, – а представь себе, что твой желудок переполненная церковь, где идет служение Господу!.. И вот приходит градоначальник... и что, ему не дадут места? Да потеснятся, и он войдет!.. Вот и представь себе, что этот кусочек тоже градоначальник... Давай, во славу Господа!

– Какой градоначальник? – спросил он в непонимании.

Азазель отмахнулся.

– Да какая разница? Князь Потемкин, Каганович, Гришин или Собянин... Лишь бы место ему дали.

Продолжая уговаривать, он принес и второй пирог, пышный, белый, с высоким горбиком, аромат совсем другой, Михаил потянул ноздрями и понял, что снова поймался, желудок беспокойно заворочался, начал ужимать предыдущую добычу, стараясь расширить место для новой, словно за градоначальником явится еще и губернатор.

– Хорошо ты здесь устроился, – буркнул он. – Теоганель брякнул, что он здесь не один... Как думаешь, пытался увести в сторону или проговорился нечаянно?

Азазель вскинул руку над головой.

– Сири, две большие чашки кофе... Не спорь, свиненок, нам можно и на ночь... Михаил, не хочу тебя расстраивать, а то не сумеешь справиться с этим «Императором»... но ситуация... как тебе сказать...

– Да так и скажи!

Азазель проговорил ровным неспешным голосом:

– Творец все видит и замечает, но мало на что обращает внимание, чем и воспользовались беглецы из ада. Для Создателя важно, чтобы этот его грандиозный проект не подвергался никаким влияниям, как ты догадываешься. Для того он и создал в себе крохотное абсолютно изолированное от себя местечко, названное Асией. И развиваться оно должно строго само по себе, для того человеку и дадена свобода воли. То есть никто не должен вмешиваться.

– Никто, – подтвердил Михаил и посмотрел на Азазеля с отчетливым намеком во взгляде. – Никто!

– Любой нарушитель, – сказал Азазель тем же неторопливым голосом, – будет стерт моментально и безвозвратно.

Михаил промолчал, только посмотрел с вопросом на честном лице преданного небесному престолу архангела.

– Не понял, – произнес он холодно. – Где-то врешь. Ты же пока цел?

– Объясняю, – сказал Азазель, – на пальцах. Шанс побывать в этом его мире есть и для беглецов, будь они из ада или с небес. Да, опасный, но есть. Если здесь ничего не случится для Творца заметного, он просто не обратит внимания, занятый другими делами.

Михаил пробормотал:

– Значит, Теоганель не соврал?

– Не соврал, – подтвердил Азазель. – Правда, ему это не помогло, но тебя уязвило. Верно?

Михаил ответил с неохотой:

– А ты как думал? Это же и мой просчет.

– За всем не уследишь, – заметил Азазель. – Тем более, что там у вас все застыло на месте, как у победителей, а здесь продолжало развиваться. А в аду так особенно. Победители почитают, а проигравшие всегда стараются взять реванш, не знал?

Михаил поморщился, спросил в лоб:

– Ты среди людей с тех еще времен?

Азазель кивнул.

– Да.

– И что делаешь?

– Ничего, – ответил Азазель и уточнил: – ничего заметного. Просто живу, как все.

– А смысл?

Азазель молча встал, сходил на кухню и вернулся с двумя большими чашками темного пахучего напитка.

– Это кофе, – напомнил он. – Вдруг ты уже забыл или вовсе не знал. Тебе в самом деле никогда не хотелось понять, почему Творец предпочел людей нам, таким совершенным?

Михаил запнулся, Азазель задал слишком прямой и точный вопрос, как будто понимает, что его это тоже может тревожить или хотя бы заинтересовать.

– А тебе понять удалось?

– Стараюсь, – ответил Азазель уклончиво. – Просто смотрю, слушаю, потребляю их еду, смотрю на их развлечения, на их войны...

Михаил спросил с недоверием:

– И не участвуешь?

Азазель ответил с неохотой;

– Конечно, хочу. Но боюсь, кто-то да заметит что-то не такое... а это сразу станет известно. Сам Творец не очень-то присматривает за созданным им миром. Видимо, ждет некую конечную фазу, а вот поставленные им так называемые зрители...

Михаил буркнул:

– Нас всего четверо. Гавриил, Уриил, Рафаил и я.

Он пил обжигающий губы и глотку кофе большими глотками, в усталое за день тело возвращалась бодрость, так вот что это за напиток, еще и мыслить легче, Азазель посматривая со странным сочувствием, наконец сказал почти мягко:

– На тебя сегодня свалилось слишком... много. Вон там гостевая комната, есть все необходимое, даже туалет отдельный. И душевая. Ты не заметил, от тебя дурно пахнет, словно ты козел из-под скалы Хермона. Спать умеешь?

– Думаю, – ответил Михаил холодно, – со времен фараонов мало что изменилось.

– Много, – заверил Азазель с ухмылкой. – Сейчас даже наука создана, как спать правильно, на каком боку, в какой позе с учетом пола, возраста, здоровья, расы, вероисповедания, политической и прочей ориентации... потом объясню, а также с кем и как, чтобы храпеть правильно и мелодично.

Михаил отмахнулся.

– Спокойной ночи.

– Хороших снов, – ответил Азазель с той же затаенной ухмылкой.

Михаил рухнул в постель, чувствуя, что устал, хотя сна ни в одном глазу, но сказанное Азазелем встряхнуло так, что сердце колотится, а кровь гуляет по телу горячими волнами и с шумом бьет в суставы.

Непонятно, как поступить правильно, а он всегда поступал правильно и никогда не сомневался в правильности. С одной стороны чистые ангелы, с другой – враждебные демоны, все просто и понятно.

Есть еще люди, созданные Творцом, которым отдан весь мир Азии, о его истинных размерах люди даже не подозревают. Но Азазель как-то не укладывается ни в одну из категорий.

Когда-то, будучи могучим и светлым ангелом, доказывал, что люди недостойны созданного Творцом мира, и тогда тот предложил самому спуститься к людям и посмотреть, чего те стоят.

На призыв Азазеля откликнулись двести ангелов, вместе сошли на гору Хермон, пришли к людям и долго жили среди них, стараясь понять, чем те так нравятся Создателю. Сам Азазель научил людей охоте, показал, как добывать руду и ковать топоры, Шамхазай раскрыл людям свойства растений и обучил врачеванию, Бракиель научил наблюдать за звездами, Кохвиель и Тамиель учили астрологии и астрономии, Сахариель показал, что такое фазы луны...

Люди развивались с ними быстрее, что хорошо, но ангелы в людской плоти все больше поддавались животной сути, столь сильной у людей. Их дети от брака с женщинами вообще рождались без светлого начала, что осталось у ангелов, и эти дети, названные нефилимами,

от поколения к поколению становились все чудовищнее, наконец начали охотиться на людей и пожирать их живьем.

Когда их преступления стали замеченными в Брие, Творец послал его с еще тремя высшими ангелами: Уриилом, Гавриилом и Рафаилом, чтобы отступивших ангелов схватить и отправить в ад, только для Азазеля почему-то велел сделать исключение. Четверо могучих архангелов по велению Творца заточили его под скалой в пустыне, после чего на землю был ниспослан всемирный потоп. Как только воды схлынули, Азазель вышел на свободу, и снова непонятно, под скалу Азазеля заточили в виде наказания или для того, чтобы не погиб вместе с нефилимами?

И вот он с тех пор среди людей, давно не ангел, не человек, но и не демон... или не совсем демон, потому что людям вроде бы не вредил или не хотел вредить.

Он сердито вздохнул, перевернулся на другой бок. Сон не идет, нужно как-то определиться с Азазелем, но четкие определения, которыми он руководствовался в своей честной и чистой жизни, выскальзывают, как живая рыбина из рук.

Глава 7

Утром, когда Михаил проснулся в выспавшемся и освеженном теле, что отдохнуло и набралось сил, еще в полудреме слышал за стеной голос Азазеля, тот переругивается с демоном Сири, принуждая ее делать то, что она то ли не умеет, то ли не хочет, ссылаясь на какое-то программное обеспечение.

Михаил вышел, игнорируя душевую: настоящие мужчины не моются, а если очень уж их принуждают, то в самых крайних случаях, когда на кону судьбы мира. В гостиной на диване развалился, сидя, Азазель, закинув обе руки на толстые мягкие спинки, а на стене напротив на экране телевизора толпа молодежи окружила двух почтенного вида старцев и орут на них, бросают куриные яйца и осыпают какой-то дрянью вроде конского навоза.

Азазель оглянулся, лицо веселое, сказал с подъемом:

– Ты хотел узнать эту жизнь? Вот тебе шанс посмотреть на демократию в действии!

Михаила передернуло от его хамской улыбочки.

– Это не та жизнь, что создал Господь!.. Это Содом и Гоморра!

– Содом и Гоморру тоже создал Творец, – напомнил Азазель. – Пусть и руками потомков Каина. Кстати, уже совместно с потомками чистейшего и праведнейшего Сифа! Во всяком случае, как мне кажется, сотворение этих городов было в Плане. Там либо так было запланировано, либо пошло где-то под откос... Вообще в той долине было пять городов, все попали под огненную метлу, если ты еще помнишь.

– Как мог Господь такое запланировать? – сказал Михаил в великом возмущении.

– Вот видишь, – сказал Азазель с укором, – ты нашего Творца дураком обозвал, который сам не знает, что творит! А я вот верю в Его Великий План! Думаю, это нечто гениальное, мудрое и далекоидущее. А когда простому народу ангелов непонятно, начинаются всякие сомнения в гениальности и даже правильности расчетов.

– Я никогда не сомневаюсь, – отрезал Михаил, – хотя свободу воли человеку он дал зря.

– Ну вот!

– Это не просчет Господа, – повысил голос Михаил, – а его чрезмерная доброта и снисходительность! Я бы вас, гадов, всех держал в железном кулаке.

– Потому тебе и не быть выше, чем ты есть, – ответил Азазель. – А жаль.

Михаил воззрился на него в изумлении.

– Ты чего?

– Нрависься, – ответил Азазель, и Михаил не понял, где кроется подвох, Азазель говорил очень серьезным голосом и смотрел тоже серьезно и почти печально. – Да и вообще всем тупые и честные нравятся. На вас и у людей держится мир, в то время как подобные мне что-то изобретают, открывают, тянут в разные стороны... Иногда даже в правильную.

Михаил посмотрел на него с подозрением.

– Ты зачем мне все это рассказываешь?

Азазель ответил обиженно:

– Я думал, тебе интересно.

– С чего вдруг? – ответил Михаил. – У нас был замечен мощный всплеск, я сразу отправился делать выдирку. Вот и все. Ты сумел задержать на целую неделю.

– Оно того не стоило?

Михаил поморщился.

– Стоило, – сказал он без охоты, – вместо одного убрать из этого мира трех мерзавцев...

– Сразу мерзавцев, – укорил Азазель. – Пока только нарушителей. А насколько мерзавцы, а то и вовсе не мерзавцы, покажет наш самый как бы справедливый небесный суд!

– Не играй словами, – отрезал Михаил. – Этот мир только для людей!

Азазель сказал обвиняюще:

– Михаил, мне кажется, ты совсем не любишь человека. А ведь Творец кол тесал на их головах с особой тщательностью.

– Я их охраняю, – ответил Михаил резко. – Это мой святой долг и обязанность.

– И даже смысл жизни, – поддакнул Азазель. – Правда, ты не знаешь, что такое смысл жизни, но это неважно. Красивые и высокие слова нигде не звучат так часто и громко, как там наверху... Сири, как насчет завтрака?

Нежный голосок почти пропел:

– Все, что скажете, мой повелитель. Но вы ничего не сказали...

Азазель буркнул:

– Видишь, Мишка, что делает с женщинами одно только обещание богатого подарка? ... А дай ей тело, сразу пойдет по рукам.

Михаил спросил озадаченно:

– А разве твой демон не привязан заклетами к твоей квартире?

Азазель вздохнул.

– Видел бы ты столько, как и я, фильмов про водопроводчиков, что в отсутствие мужа приходят прочищать трубы! Фаллопиевы. Сири, ты тоже слушай. Тело буду покупать тебе вместе с поясом верности. А пока сделай по большому бифштексу для мужчин нашей компании, без салатика обойдемся, но кофе большие чашки. Мишке можешь сливок, он такой нежный...

– Это кто нежный? – буркнул Михаил. – Мне черный, сахара четыре ложки.

– Столовых?

– Чайных, – ответил за него Азазель. Он морщился, как от зубной боли, двигал плечами, будто их сковало льдом, а когда в духовке пикнуло, быстро перенес на стол две большие тарелки с свежеподжаренными бифштексами. – Лопай, потом скажу...

Михаил ухватил вилку и нож, уже втайне гордый, что умеет пользоваться, поинтересовался:

– Что?

– Ешь, – велел Азазель, а когда Михаил отрезал первый кусок и отправил в рот, выговорил будто с трудом: – Знаешь, Михаил, мы всегда были врагами... Но сейчас, похоже, я готов указать тебе на еще одного сбежавшего из ада.

Михаил едва не подавился куском, едва сумел проглотить, просипел полузадушенно:

– Чего вдруг? Хочешь продлить свое пребывание здесь еще на неделю?

– Да, – подтвердил Азазель. – Видишь, какой ты умный? А то все дурак, дурак... Сразу все сообразил и меня раскусил, как спелый орех без скорлупы!

Михаил прожевал, отрезал второй кусок, но в задумчивости покачал головой.

– Что-то не так. Если бы только ради продления, ты бы предложил выдать своего дружка на седьмой день и вообще в последнюю минуту, а сейчас начинается только утро второго моего дня здесь! В чем дело?

Азазель ел неспешно и словно бы нехотя, а когда поднял на Михаила взор, в глазах читалась смертная тоска.

– Ты сильнее всех архангелов, – сказал он, – не мне с тобой бороться. Но я всегда понимал больше... и сейчас встревожен, Михаил. Мой дружок, как ты его называешь, хотя я его вовсе не знаю, начал переходить границы.

Михаил насторожился, задержал нож и вилку в бифштексе, а на Азазеля посмотрел со всей строгостью.

– Давай подробнее.

– Ты до сих пор не понял, – сказал Азазель, – а мы поняли уже давно, что этот мир неприкосновенен. Творец не позволяет нам вредить своим любимым людям. И вообще

ничего в нем менять нельзя. Мир должен развиваться, как развивается. Мне кажется, Творец знает, каким он будет в конце, когда будет выполнена последняя часть Великого Замысла... Или каким он должен стать.

– Ну-ну?

– И малейшее изменение, – сказал Азазель терпеливо, – сразу же замечается... Давай объясню на простом примере, чтобы даже ты, такой по-солдатски умный, понял. У людей есть так называемая иммунная система. Следит, чтобы организм развивался согласно замыслу Творца, создавшего Адама. И если в организм человека попадает какая-то инфекция, это зараза такая, начинается болезнь... сразу же некие спящие или сторожевые силы в теле набрасываются на болезнь, бьют ее и выбрасывают заразу, скажем, в виде гноя из нарывов. Или как-то иначе, неважно, а иммунитет крепнет и удваивает защиту. Главное в том, что в человека встроены защитные силы. Так вот, Михаил, ты и другие архангелы и ангелы – такие же защитные силы, что сохраняют человечество и следят, чтобы ему ничто не мешало развиваться согласно Великому Плану Творца.

Михаил помотал головой.

– Б-р-р... Ничего не понял. А что эти силы делают, когда нет болезни?

– Просто дежурят, – сказал Азазель. – Как ты. А всякая зараза, попадая в тело человека, частенько живет там долгие годы, а то и всю его жизнь, оставаясь незамеченной. А замечают ее не раньше, чем она обнаглеет, начнет вредить телу человека... Ты понял?

Михаил покачал головой.

– Ты вроде бы намекаешь, что такой заразы, как ты, в человечестве немало? Но все ведут себя тихо и потому их не видно?... Но кто-то один начал чересчур...

Азазель сказал в подчеркнутом восторге:

– Михаил, я не ожидал от тебя такой сообразительности!.. Ты гениально прав. Потому я и сказал, что ты просто обязан сделать еще одну выдирку. Выдернуть из человечества одного такого.

– Кто он?

– Скажу лучше, – ответил Азазель, – что натворил. Но ты ешь, а то вдруг потом расхочется.

Михаил торопливо отрезал кусок побольше, подцепил на зубья вилки и отправил в рот.

– Ну-ну?

– Выходки его становились все заметнее, – сказал Азазель с неохотой, – а полчаса тому воздвиг для себя на одном пустынном островке громадный дворец и пригласил туда самых красивых женщин.

Михаил вскочил.

– Да как он посмел!..

– Не ори, – бросил Азазель мрачно. – Спешి выдрать. Иначе такое начнется... И все мы исчезнем.

– Кто мы?

– Все, – сказал Азазель уклончиво и отвел взгляд. – Даже ты, если Творец решит закрыть этот мир так, что даже бестелесным ангелам все перекроет. Вполне возможно, что Он вообще эту вселенную смахнет как пылинку и создаст что-то совсем иное. Или не создаст, будучи занятым чем-то иным, нам непостижимым... Потому этот мир должен быть открытым, но неизменным в своей основе. Так что, если понял, займись...

Михаил, похолодев, поднялся из-за стола, оставив на тарелке половину бифштекса и полную чашку кофе. Он сам чувствовал, что от лица отхлынула кровь, а колени сами собой задрожали и готовы в любой момент подогнуться.

– Запомни координаты, – сказал Азазель.

Михаил уже повернулся было в сторону двери, но вдруг резко повернулся к Азазелю и смерил его злым и полным подозрения взглядом.

– Погоди... Но ты же сам в состоянии остановить этого мерзавца?

Азазель ответил с заминкой:

– Он не мерзавец, а просто дурак. Не осознающий, что делает. Таких эгоистов полно. Но пока они грузчики да укладчики асфальта, вреда от них мало, но если у них Сила...

– Ты не ответил, – напомнил Михаил с нажимом.

– А почему это сделать не тебе? – спросил Азазель. – Все равно без дела. Дни и часы считаешь до момента, как ухватишь солдатскими пальцами за горло мою песню свободы! А я гуманист, волнуюсь за тебя, вдруг сопьешься от скуки, снаркоманишься или вообще пойдешь по рукам. Ты же такой красивенький... красавчик!

Михаил продолжал сверлишь его злым взглядом.

– Скажи правду!

– С чего вдруг? – спросил Азазель оскорбленно. – Обидно даже. Как будто я к стене приперт. Сперва припри!

– Но хочешь, чтобы его выдернули?

Азазель ответил настолько чистосердечно, что даже и менее подозрительный, чем Михаил, заметил бы откровенную брехню:

– Да, конечно!

– Скотина, – процедил Михаил сквозь зубы. – Не понимаю, почему не сам?... Или что-то мешает своих бить по голове? А мне как бы можно? Или надеешься, что он сильнее? Признавайся, он приготовил для меня какую-то ловушку?

Азазель выставил перед собой обе ладони.

– Ты что, разве коварство в моем духе?... Ну ладно, в моем, но с чего бы я стал подводить тебя, ты же так нежно ко мне относишься!.. И жаждешь для меня только хорошего, светлого, доброго, чистого, вечного... Уверен, ты справишься. Кроме того, что очень важно, тебя поощряют, а мне что? Всего лишь восстановленная справедливость, а зачем она мне? С несправедливостью жить веселее и смешнее, а я такой веселый, что сам от себя со смеха катаюсь. Только не забудь – поменьше всплесков! Но раз без них не можешь, павлин ты наш, то по минимуму!

Михаил посмотрел с подозрением.

– Почему изымать тайно?... Если явлюсь в блеске молний и страшным в праведном гневе, разве не устршит больше?

Азазель сказал со вздохом:

– Михаил, несмотря на твой выдающийся для солдата ум, ты все еще не понял. Или не совсем все понял. Такое появление чревато слишком большими потрясениями!.. Это хуже, чем ввести военно-полевой суд в безмятежное гражданское время. А если Творец сочтет, что ситуация вышла из-под контроля, и решит... ты знаешь, как Он решает!

– И что, – сказал Михаил, – выпалывать таких по одному?...

– Вот-вот, – сказал Азазель горько, – теперь скажи, кто из нас двоих больше любит людей?

– Ты не людей любишь, – сказал Михаил.

– А что?

– Их удобный для тебя мир, – ответил Михаил. – Тот, который они за это время создали. Этот уют...

– А разве этого недостаточно?

Михаил помолчал, обдумывая. Ситуация вообще-то ясна, но это значит, что дело гораздо серьезнее, чем он полагал, если даже сам Азазель начинает тревожиться насчет появления сбежавших из ада демонов.

– Хорошо, – сказал он, – никаких всплесков.

– За всплесками я прослежу, – пообещал Азазель. – Посмотрим, насколько ты успешен...

Он не договорил, Михаил исчез, оставив на своем месте только скрученную в тугую жгут струю воздуха.

Глава 8

Михаил отсутствовал около получаса, затем в центре комнаты на краткий миг возник столб белого плазменного огня. Изнутри его раздвинул, как занавес, и тут же вышел Михаил, мрачный, сразу метнул в сторону Азазеля ненавидящий взгляд.

– Сири, – сказал Азазель громко, – кофе и пирожные белому господину!.. Самые нежные и сладкие!.. Он устал и печально грозен.

Михаил тяжело прошел к дивану, все еще весь в себе, опустил в кресло. На стене напротив огромный экран телевизора по жесту Азазеля сразу вспыхнул, звук Азазель уменьшил до шепота, Михаил невольно поднял взгляд, прослеживая за перемещением там фигурок.

Азазель взял с поддона две чашки кофе, одну протянул Михаилу. Тот помотал головой.

– Эта черная жидкость у меня уже из ушей плещет. Как ты столько пьешь?

– Сейчас пью вдвое больше, – заверил Азазель. – Как обычно, а еще и с тобой за компанию. Прошло терпимо? Ты был, как положено при исполнении, суров и безжалостен? Несмотря на униженные мольбы?

Михаил поднял на него злой взгляд.

– Я исполнил свой долг, – сообщил он кратко. – Через семь дней исполню то, из-за чего прибыл. Даже через шесть с половиной.

Это прозвучало настолько зловеще, что повисло в воздухе, как огненная надпись «Мене, текел, фарес», что когда-то проступила на стене во время пира Валтасара.

– Молодец, – сказал Азазель, не моргнув глазом и не меняя интонации, – на свободу с чистой совестью!.. Хотя у солдат всегда чистая, верно?... Правда, ты небесный стратиг, сам посылаешь на задания, но в данном случае послал самого себя, далеко послал, и подчиняешься этому придурку?... Ну-ну, не сверкай глазами, в командовании все придурки, не знал разве? А гении, что все знают и всем раздают мудрые советы, работают таксистами да парикмахерами, а еще укладчиками асфальта... Ну, и нижние чины, естественно, что знают, как выиграть любую войну.

Михаил не слушал пустопорожний треп, приподнялся и ухватил чашку с кофе. Горячий напиток ожег горло, Азазель явно приготовил к его появлению, как знал, однако с первым же глотком в голову пришла ясность и чистота мышления, и он продолжил отхлебывать уже мелкими осторожными глотками, не спуская взгляда с новостной передачи.

Азазель протянул ему тарелочку с пирожными. Михаил метнул в его сторону полный подозрения взгляд, нет ли ехидства, но на лице Азазеля ничего, кроме странного сочувствия, потому нехотя взял, откусил сразу половинку.

– Что-то врешь, демон, – произнес он. – То ты сразу засек мое появление, то никто прибытие в этот мир демонов не зрит...

– Демоны являются без фанфар и барабанов, – ответил Азазель с иронией. – Для них этот мир под запретом, потому научились маскироваться, входить на цыпочках, а где и ползком... За шесть тысяч лет поднатрели!

Михаил невольно передернул плечами.

– Шесть тысяч лет, – пробормотал он. – Шесть тысяч лет вы уже здесь...

– Только немногие, – заверил Азазель великодушно. – Основная масса хлынула в последнее время. Когда люди по совокупной мощи сравнялись с демонами.

– Потому вы начали новоприбывших ограничивать? – спросил Михаил. – Чтобы не делиться здешними благами?

Азазель поморщился.

– Чтобы не разрушили этот мир. Он слишком хрупок. Не знаю, был ли таков замысел Творца или же получилось само, но он весь стеклянный, а мы все с молотками... Тебе не странно, что мы, демоны, защищаем этот мир от других демонов?

Михаил произнес надменно:

– Свиньи всегда толкаются у корыта и отпихивают более слабых.

– Хорошее сравнение, – согласился Азазель. – Тем более, что новые свиньи могут съесть не только весь корм, но и корыто, а также разнесут до основания тесный хлев, что вызовет вполне ожидаемое недовольство хозяина. А что он тогда сделает, не знаешь? Вот и я не знаю. Потому лучше не рисковать... Бери остальные, Сири сама готовит на месте, в далекий магазин посылать не придется. Нет, на кухне она еще не мастер, но принтером пользоваться умеет.

Он улыбнулся, когда Михаил принял из его руки тарелку с остальными пирожными, а сам вернулся к столу с большим дисплеем на нем, чернота мгновенно сменилась синим фоном, на нем побежали странные буквы и значки, перемежаемые арабскими цифрами.

– Та-ак, – проговорил он медленно, – островок на месте, но никакого дворца там нет... Даже пальмы полегли... А вон те вовсе с корнем выдраны. А их зачем?

Михаил ответил с неохотой:

– Ты же сказал, чтобы не осталось следов... Я того дурака просто обратил в пыль, а чтобы убрать дворец, создал большую волну в океане и прокатил ее через островок. Она снесла все, даже часть деревьев.

Азазель посмотрел с уважением.

– Мудро. Правда-правда. В той части океана цунами случаются часто. Ты сделал самое лучшее, что можно было. Михаил, ты в самом деле умеешь поступать, как стратег!

– Да иди ты, – ответил Михаил.

Закончив с пирожными, он пересел на диван перед огромным экраном телеприемника на стене, повторил жест Азазеля для включения. В комнату ворвался грохот стрельбы из автоматов, бабахнула пушка, а на экране от рамки до рамки вспыхнула яркая и устрашающая картина великой битвы.

В огромном городе идут жестокие бои на улицах и в переулках, из окон рвутся языки пламени, на дорогах трупы, а бронемашины двигаются прямо по ним, не разбирая, где убитые, где только раненые.

В двух местах ярость сражения дошла до такого накала, что, истратив все патроны, группы воинов сошлись врукопашную. Михаил, как ни всматривался, все не мог отличить воинов одной армии от воинов другой.

Азазель долго сидел за своим столом, не поворачиваясь, наконец до Михаила сквозь треск автоматных очередей донесся его раздраженный голос:

– Что... снова?... Это уже ни в какие ворота не лезет...

Михаил сообразил наконец, что передача с места событий идет в реальном времени с помощью беспилотников, те подают картину с разных высот и разных углов, потому зрелище получается красочное и волнующее, римлянам с их гладиаторскими боями, даже массовыми, такое и не снилось, там все ограничено ареной Колизея, а здесь в роли Колизея целые города, а то и страны.

– Что там не лезет? – спросил он несколько запоздало. – Помочь затолкнуть?

В стереодинамиках гремят реалистичные и даже объемные выстрелы, словно перестрелка идет в соседней комнате. На пыльных дорогах, выжженных яростным южным солнцем, догорают разбитые автомобили, уже отброшенные к стенам полуразрушенных домов бронетранспортерами, из которых вон три подбиты и горят зловещим багровым огнем...

Азазель ответил, не поворачиваясь и не отрывая взгляда от дисплея компьютера:

– Третья авария за три дня!.. На одном и том же участке дороги... На Симферопольском шоссе, разворот на Мелихово, не доезжая до бензоколонки, съезд с трассы, там шиномонтаж, дальше направо по проселочной...

– Авария что, серьезная?

– Да мне на любые начхать, – заявил Азазель, – но там гибнут люди и даже человеки уже три дня подряд.

– Ну-ну, – сказал Михаил. – И что так не нравится демону? Люди гибнут вам в радость.

Он с усилием оторвал взгляд от экрана телевизора, повернул голову в сторону Азазеля. Тот двигает пальцами изображение на своем дисплее, увеличивая, рассматривая под углами, и даже со спины видно, что зол и раздражен.

– Не смешно, – отрезал Азазель. – По той проселочной автомобили проходят редко, дорога хорошая, откуда аварии? Во всяком случае, не три подряд!.. По одной в десять лет еще поверю, но чтоб вот так... Полиция наверняка уже поднята на ноги. Там чего только сейчас не думают, прорабатывают версии от серийного маньяка до группы террористов...

Михаил наконец заставил себя подняться и повернулся к Азазелю, хотя и жаждет наблюдать за масштабными сражениями. Странное пьянящее чувство, когда наблюдаешь за боями даже не с высоты птичьего полета, а словно с крыш их невысоких домиков.

– Подозреваешь...

– Какое подозрение, – ответил Азазель оскорбленно, – я почти уверен!.. Ты чего встал? Сядь, а еще лучше ляг. Ты же устал от выполнения воинского или какого там у вас, белокрылых, долга. А я смотаюсь туда, посмотрю своими глазами.

Михаил с хмурым видом помотал головой.

– Я с тобой.

– А ты мне зачем, такой нарядный?

– Присмотрю, – пояснил Михаил, – чтоб не сбежал.

– Серийный убийца?

– Ты.

– Юморист, – буркнул Азазель. – Признайся уж, чувство юмора, как и чувство прекрасного, недоступно там наверху. Вы только петь умеете, да и то репертуар у вас, скажем мягко, бедноват... Ладно, я пошел, а ты можешь догонять, если не передумаешь. Да, кстати...

Он повернулся к столу, выдвинул нижний ящик. Михаил нахмурился, узнал так часто мелькающий в телепередачах пистолет, оружие намного более удачное, чем нож, меч или даже лук.

Азазель нагнулся, взял с широкой улыбкой на лице, словно уже стал воином, чувственно взвесил на ладони.

– Ну как можно не любить так тщательно сделанное орудие убийства?... Сколько умения, таланта и любви вложено в это почти ювелирное изделие? Разве вот так не понятно, что именно люди обожают делать больше всего?... Во что вкладывают не только талант, но и душу, как здесь говорят?

Михаил буркнул:

– Господь велел размножаться.

– Размножаться, – согласился Азазель, – и убивать.

– Господь этого не говорил!

– Но и не запрещал, – напомнил Азазель. – Это люди уже сами додумали и расширили повеление насчет размножения. Ты же понимаешь, Всевышний дает заповеди, а толкование их оставляет людям. Вот люди и толкуют... иногда так интересно, закачаешься! Я вообще обожаю людей, заметил?

– Ну-ну?

– Для размножения, – напомнил Азазель, – нужно убирать всякие помехи, а их так много... Бери-бери! Эта штука помогает убирать всякие досадные и прочие помехи.

Михаил покачал головой.

– А мне зачем?

Азазель сказал со вздохом:

– Ты своими всплесками поднял тревогу... в определенных кругах. Тебя еще не вычислили, но попытаются отыскать и понять, кто ты и зачем так бултыхнул.

– Не выйдет, – отрезал Михаил. – Отбудем раньше.

– Кто знает, – ответил Азазель, – успеем ли. Здесь... весьма серьезно. И кольцо вокруг тебя будет сжиматься быстро. Так что бери пистолет и готовься в случае чего.

– К чему?

– Действовать, – ответил Азазель с нехорошей усмешкой. – Эта штука решает большинство проблем. Не самых важных, но жизнь состоит из мелочей, не так ли?

Он протянул Михаилу пистолет рукоятью вперед. Усмешка стала шире, а в глазах что-то вроде ожидания, как этот надменный архангел опозорится.

– Я видел эти штуки, – ответил Михаил, он взял пистолет, повертел, рассматривая. – Это создал Сатан?... Много людей уже погибло.

– Можно считать и так, – произнес Азазель медоточиво, – но у меня другое предположение.

– Говори, демон.

Азазель сказал с некоторым раздражением:

– Господь не станет больше прибегать ни к потопу, ни к огненному апокалипсису. У людей теперь есть оружие, которым можно истребить человечество хоть все разом, хоть вот так поодиночке с помощью личного оружия. Потому бери.

Михаил протянул пистолет обратно.

– Хотя это и создали люди, но по наущению дьявола.

– Даже если так, – ответил Азазель медленно, – то откуда у тебя уверенность, что дьявол не действует по наущению Создателя?... Ты слишком непочтительно относишься к Господу.

Михаил чуть не задохнулся от такого подлого удара под дых.

– Я?... Я непочтительно отношусь ко Всевышнему?...

Азазель картинно вскинул брови и спросил патетически:

– А кто предположил, что Сатан может с Ним соперничать на равных или почти на равных?... Я полагаю, все в этом мире идет и развивается, следуя Великому Плану Господа. И если бы Всевышний пожелал, чтобы этого пистолета в мире не было, он бы не появился.

Михаил со стесненным сердцем взял пистолет из протянутой руки, передернул затвор, заглянул в ствол.

Азазель наблюдал со сдержанной усмешкой.

– Магазин пуст, – сказал он, – а то разнесешь здесь все. Вот обойма, вот еще две в запас, положи в карманы или в сумку. Стрелять научить?

– Я видел, – отрезал Михаил, – как это делается. Целое утро смотрел! Варвары...

– Думаешь, – спросил Азазель с сомнением, – смотрения достаточно?

– Я воин, – напомнил Михаил. – Все, что касается оружия, схватываю быстро. Это если насчет движения небесных светил – лучше к Закариелю. Или Теонелю.

– Хорошо, – сказал Азазель. – Вот потайная кобура. Хотя можно носить и за поясом сзади. Без всякой кобуры. Но не слишком долго, а то не заметишь, как потеряешь, ты же не мелочный, верно?

– Здесь оружие носят все?

– Не все, – заверил Азазель, – но тебе лучше носить. Помочь надеть кобуру?

– Убери лапы, содомит, – сказал Михаил строго. – Сам разберусь.
– Сири, – велел Азазель, – проследи за ним, чтобы и дверь закрыл, и ширинку застегнул.

Ее тонкий голосок угодливо пискнул:

– Я сама закрою и сигнализацию включу!

– Но ширинку пусть застегивает сам, – сказал Азазель строго. – Ты мне гостей не балуй.

Глава 9

Дома по обе стороны шоссе скользят высотные, настолько высотные, что привыкнуть трудно. В синеве неба медленно ползет оранжевая блеска самолета, но когда автомобиль свернул с магистрального шоссе на проселочную, а та повела через лес, Михаил все же невольно вздохнул свободнее, словно самый опасный лес окружал в самом городе.

Деревья все те же, что и в императорском Риме, почти родные после башен из стали и стекла в городе. Зеленые ветви мерно качаются справа и слева от дороги под легким ветерком. Земля вокруг стволов прячется под травой и опавшими листьями, даже грунтовка почти такая же, как в римских провинциях, слегка усыпанная гравием и щебнем, почти полностью вдавленным колесами в почву.

Азазель постоянно сверяется с окошком экрана на панели авто, там сверху видно, как их автомобиль ползет по извилистой дороге, а впереди за два поворота мигает огонек, указывая место аварии.

– Подъезжаем? – спросил Михаил и указал взглядом на мигающую точку.

– Разбираешься, – сказал Азазель с одобрением. – В следующий раз дам порулить. Не волнуйся, защита от дурака вмонтирована намертво.

Михаил сказал строго:

– Давай без оскорблений.

– А ты при чем? – изумился Азазель. – Чего ты себя всегда дураком считаешь, да еще таким махровым?... Я тебя вот очень уважаю!.. А защитные системы просто не дают сделать глупость. Например, совершить самоубийство, врезавшись на большой скорости в стену. А если хозяин садится за руль пьяным, автомобиль просто не заведется, понял?

– Ладно, – буркнул Михаил, – вон слева от дороги.

Азазель подал автомобиль на обочину, остановил, едва не свалив его в придорожную канаву.

Михаил вылез первым, одним движением и не глядя, гордясь приобретенным умением, отстегнув ремень безопасности. Слева от дороги сломан кустарник, через истоптанные ветки отчетливый след автомобильных шин ведет в глубину леса.

Еще десяток шагов, и он увидел автомобиль с распахнутым багажником, а когда с Азазелем подбежали ближе, охнул, видя как ствол дерева буквально вмялся в середину капота.

Азазель первым обогнул, сказал с облегчением:

– Прекрасно. Дэтэпэшники уже все сфоткали, трупы увезли, желтые ленты сняли...

– Лент не было, – сказал Михаил. – Это не криминальный случай.

Азазель посмотрел с удивлением и уважением.

– Молодец, знаешь... Вот так дети и учатся по инету, а не в школах! Осмотришь, вдруг что заметишь. Жаль, все затоптали. Окурки везде, еще бы бутылку из-под водки выбросили.

– А вон лежит, – сказал Михаил.

Азазель мгновенно развернулся.

– Где?... А-а... это старая. Вон еще... В подмосковных лесах их полно под каждым кустом. Здесь тоже ждут, что Европа придет и начнет за ними убирать везде и всюду... Но все-таки свежая авария оставляет следы и помимо выброшенных окурков полиции... Не слышишь?

Михаил прислушался, внимательно осмотрелся. Ноздри среди прочих запахов уловили и совсем непривычный, которого не встречал ни в городе, ни где-либо после появления на земле.

Азазель следил за выражением его лица, кивнул с явным удовлетворением в глазах.

– Учуйл?... Прекрасно. А в какую сторону?

Михаил пожал плечами.

– Здесь везде, а дальше увидим.

– Ты смотри справа, – предложил Азазель, – я слева.

Он вломился в заросли, Михаил поморщился, пошел в ту сторону, где кусты выглядят хотя бы чуть потревоженными, а когда встретил пару сломанных веточек, убедился, что след взял верный.

Издали донесся крик:

– Мишка, как у тебя? Есть грибы?

Михаил хотел зло напомнить, что не за грибами пришли, но сообразил, что хитрый демон так маскируется от случайных гуляк в лесу, что могут услышать, ответил громко:

– Есть.

– Иду!

Через пару минут Азазель проломился сквозь кусты, как матерый лось, потянул носом.

– Да, ты взял след, как вижу?

Михаил кивнул.

– Демон и не скрывался. Пойдем за ним или ожидаешь ловушку? Слишком все просто.

Азазель подумал, вздохнул.

– Пойдем. Думаю, даже машину брать не придется. Он где-то неподалеку.

Михаил посмотрел с сомнением.

– Он что, настолько глуп?

Азазель кивком велел идти рядом, вздохнул, а когда заговорил, в его богатом голосе прозвучала откровенная скука:

– Это вас, ангелов, штампанули по одному лекалу. А так как ваш мир не менялся, то и вы не менялись. А здесь, как и в аду, изначально кипящий вулкан!.. Падшие ангелы... хотя этот термин неверный, его используют противники, придавая нарочито иной смысл...

Михаил перебил раздраженным тоном:

– Ну-ну, а как, по-твоему, верно?

– Сам знаешь, – обвинил Азазель. – Не павшие, а отпавшие, отделившиеся! Когда мы сошли на гору Хермон, то просто отделились от вашего общего стада. Сама гора с тех пор называется «Хермон», что значит «гора отделившихся». А «отделившиеся» в пропаганде наших противников стали сперва «отпавшими», потом и вовсе «павшими»... Нечестное передергивание, не находишь?

Михаил отмахнулся.

– Не отвлекайся. Этот демон настолько глуп?... Это противоречит твоим напыщенным речам о вашей великости и предначертанности в судьбах людей.

Азазель со вздохом поднял глаза горе.

– Ну как солдату объяснить... Мы, облекшись плотью, сразу же начали брать земных женщин в жены. У нас, как ты помнишь, и все там у вас завидовали, хоть и помалкивали, рождались дети. Уже не ангелы, а так, наполовину. Полукровки, байстрюки, а то и бастарды. Их тогда называли нефилимами, а спустя какое-то время стали считать их демонами. От нефилимов рождались другие, еще более разные, одни хитрые, другие глупые... Сейчас тот мир настолько... ты даже представить не можешь, даже если у тебя голова будет размером с гору, а там еще и мозги размером с орех! Да не лесной, а огромный, греческий. Есть демоны просто гении, есть чистая энергия, еще чище вашей, но большинство, особенно последних поколений, вообще животные. Пусть даже очень милые, даже мимишные. Далеко не все из них с зачатками разума. А те, кто что-то понимает, остановились в развитии на уровне пятилетних детей. Им бы только играть, вот только игры бывают достаточно злыми...

– Дети жестоки, – хмуро сказал Михаил. – Уже видел по этим передачам.

– Быстро учишься, – буркнул Азазель. – Тот, кто здесь порезвился, на уровне разумного животного. Сбежав из ада, не придумал ничего другого, чтобы спрятаться здесь в лесу и нападать на тех, кто проезжает мимо. По своему развитию даже не понимает, что это сразу вызовет подозрение.

Он остановился, вскинул руку, призывая Михаила замереть и помалкивать.

Впереди в десятке шагов за кустами проступила берлога, почти медвежья, под огромным выворотнем.

Михаил приблизился на цыпочках.

– Спит?

– Похоже. Прислушайся, спит как ангел, даже не храпит!

Михаил потянул носом.

– Да, но запах...

– Запах еще тот, – согласился Азазель, – хорошо пообедал. А в пещере наверняка остатки еще вчерашней трапезы... Готов? Я его выпугну.

Михаил взял в руку пистолет, взвесил, чувствуя как по жилам побежала злая радость близости убийства.

– Давай.

Азазель подбросил на ладони камень размером с конскую голову, Михаил даже удивился, с какой легкостью демон держит его на ладони, но продумать и развить мысль дальше не успел, Азазель с силой швырнул глыбу в темный зев.

Камень, моментально раскалившись до вишневого цвета, полетел в глубину пещеры, оставляя за собой багровый хвост из огня и дыма. Оттуда раздался раздраженный рев, густой и мощный, но тут же перешел в визг, полный ужаса и боли.

Михаил, изготовившись, начал стрельбу сразу, как только увидел поднимающуюся из ямы голову. Монстр, мохнатый и похожий на медведя, содрогался под ударами пуль, но с усилием все же перевалился через край, Михаил успел увидеть на спине длинный костяной гребень.

Азазель подхватил длинную толстую палку и уперся чудовищу в грудь, не давая выбраться.

Михаил чуть сместился вбок, чтобы не задеть Азазеля, а тот надсадно крикнул:

– В глаза стреляй! У него шкура... И череп, как броня танка...

Михаил сделал шаг вперед и выпустил еще по пять пуль в каждый глаз монстра. С силой выбрызнули потоки крови, демон задержался, размахивая лапами уже вслепую. Азазель нажал, стараясь спихнуть его обратно в яму, но монстр задел по жердине лапой, и та переломилась, как пересохшая соломинка.

Последние пули Михаил выпустил в те же кровоточащие глазницы, демон наконец подался назад и с шумом обрушился на дно логова.

Азазель тут же оказался на самом краю, присел на корточки, присмотрелся.

– Ага, – сказал он с удовлетворением, – жизнь угасает... Молодец, Мишаня!.. Из тебя вышел бы такой киллер!.. Кстати, киллеры здесь в почете. О них фильмы, сериалы, книги, комиксы... Не хочешь? Но все равно спасибо. Одной угрозой людям стало меньше.

Он поднялся, отряхнул ладони, Михаил поинтересовался:

– А что с ним?... Здесь близко села, обязательно наткнутся.

– У меня в багажнике лопата, – сообщил Азазель. – Возьми и забросай эту ямку землей, чтобы люди не наткнулись.

– А ты?

– Я пока помыслию о высоком, – заверил Азазель. – Ты же понимаешь, как это важно для гармонического развития?

Ямка, как ее назвал наглый Азазель, оказалась такой просторной пещерой, что в ней, наверное, можно было поместить небоскреб. Михаил бросал и бросал землю, столкнул туда же стволы упавших поблизости деревьев, сухие ветки, камни и снова землю, наконец края сравнялись, Азазель подошел посмотреть, одобрил, но посоветовал набросать еще и сверху горбиком, земля все равно просядет, тогда и сравняется с краями.

Обратно к автомобилю возвращались напрямик через кусты. Михаил чувствовал непривычную усталость, свойственную телу из плоти, и не мог понять странное словосочетание «приятная усталость»: что же в ней приятного? – у людей слишком много странных слов и понятий.

Автомобиль, завидев их, приветственно мигнул фарами, а когда приблизились, распахнул обе дверцы.

Михаил ощутил нечто вроде приязни к этой странной колеснице, что подобно верному псу ликует и радуется возвращению хозяина. Понятно, почему многие мужчины любят эти штуки больше, чем своих женщин, те далеко не всегда встречают так же приветливо, а эта и хвостом бы бока себе пооббивала, будь у нее хвост.

У самого автомобиля Михаил оглянулся, спросил с беспокойством:

– А лесные звери не доберутся? Мы не так уж и глубоко закопали, а земля рыхлая...

– Да пусть едят, – ответил Азазель. – Тебе что, демона жалко?

– Ничуть, – ответил Михаил, – но если люди увидят?

Азазель отмахнулся.

– Да не увидят. Демон уже рассыпался в пыль... даже не в пыль, а вообще в ничто.

Ты садись, садись!

Михаил зло сжал зубы.

– Ты, – прошипел он люто, – заставил меня его закапывать...

– А это чтобы лучше запомнил, – пояснил Азазель. – У демонов материальные тела, но они не нашего мира. Потому и рассыпаются, если прекращается жизнь.

Он заботливо проследил, чтобы рассерженный Михаил пристегнулся, но тот сделал это почти автоматически, потому что правило, а правила он привык исполнять беспрекословно.

– Скотина ты, – процедил Михаил, – хорошо же, я скоро отыграюсь...

– Еще шесть с половиной дней, – напомнил Азазель оптимистически. – А там я вдруг с судьями договорюсь?

– Не получится, – отрезал Михаил, – я знаю, кто и как судит. Вообще-то странно как-то все... Раньше я думал, демонам удавалось удирать из ада только в виде призраков... или чего-то вроде.

Азазель довольно лихо погнал автомобиль по разбитой проселочной дороге, не доверяя Сири на таких крутых поворотах и кочках, ответил с поспешностью:

– Нематериальными? Ну да, как и все мы, когда по разрешению Всевышнего спустились на гору Хермон и только там облеклись плотью. Но мы облеклись созданной для нас Создателем...

– Точно? – спросил Михаил с недоверием. – А то меня это шесть тысяч лет почти мучило. Если убили людей, забрав их тела, то почему Творец вас не наказал...

– Успокойся, – ответил Азазель, – все было с разрешения Всевышнего. Он хотел наглядно показать нам и всем тем, кто сочувствовал нам, что наш путь неверен. А вот демоны, как только начали проникать в этот мир, совершали преступления, так как захватывали чужие тела! Правда, люди достаточно быстро распознавали таких вообще-то неуклюжих тварей и довольно успешно изгоняли обратно в ад. Появилась даже такая профессия, как экзорцисты.

Михаил сказал с сомнением:

– А сейчас?

Азазель сказал очень серьезным голосом:

– Из ада начали проникать, как ты только что убедился, демоны уже не только в виде бесплотных духов. Там как-то сумели создавать щели в этот мир. Похоже, это очень трудно, иначе тут оказался бы весь ад... и мир бы рухнул.

– Надеюсь, что трудно, – пробормотал Михаил.

Автомобиль выметнулся из леса, за которым прячутся десятки, а то и сотни сел, поселков и деревенок. Впереди блеснула только что промытым асфальтом магистральная дорога, а когда помчались по ней, догнали и обошли ряд машин с раздутыми боками, щедро поливающих асфальт чистой водой.

Еще несколько минут стремительной езды, и Азазель круто повернул баранку руля, съезжая на боковую дорогу, что повела к городским кварталам.

Глава 10

Сири, незримая демонесса людей, за это время проветрила комнату и всю квартиру, слегка увлажнила воздух, а на кухне под ее присмотром уже что-то жарится, печется, варится. Ароматы и тревожащие запахи плывут оттуда почти зримые, тяжелые и заставляющие представлять на столе всевозможную еду.

Он принял душ, как вчера напомнил Азазель, Сири проследила и за напором воды, и за температурой, даже включила струю горячего и сухого воздуха, едва Михаил сделал движение выйти из кабины.

На кухне появился собранный, усталость уже выветрилась. Азазель развалился в кресле и смотрит на огромном экране на полстены новости человеческой жизни, оттуда несутся приглушенные звуки стрельбы, визг тормозов, удары и скрежет бьющегося железа, но Азазель наблюдает с ленивым интересом, привык, сволочь, страдания человеческие не задевают.

Михаил попутно позаглядывал в другие комнаты, дивясь странной мебели, половина из которой вовсе не мебель, а если и мебель, то непонятно для чего предназначенная.

Азазель повернул голову, в глазах насмешливый интерес, разлегся поудобнее.

– Ну как тебе мои хоромы?

Михаил ответил с высокомерием духовно богатого ангела:

– Вон та большая комната... бильярдный зал, да?

– Точно, – согласился Азазель. – Сбачаем партию? Русскую, американку или трансгуманистическую?...

Михаил ответил с великим отвращением в голосе:

– Очередное место порока.

Азазель взглянул с интересом.

– А ты прав. Сейчас в бильярдных не столько играют, как продают наркоту, заключают сделки, делают ставки, нанимают для слежки... а если играют, то на деньги, что уже не совсем спортивно.

– А ты на что играешь?

Азазель посмотрел невинно.

– Обычно просто так, но с тобой могу и на ставку. Давай?

– Нет, – отрезал Михаил.

– Почему? – изумился Азазель. – Можно совсем на мелочь. К примеру, проиграю я – буду у тебя неделю в слугах, даже рабом. Проигрываешь ты... ну, скажем, всего сутки.

– Ни за что, – сказал Михаил резко.

– Ага, – сказал Азазель победно. – Понимаешь, что переиграю!

Михаил нахмурился.

– Только в бильярд.

– Вся жизнь бильярд, – философски заметил Азазель. – А вот там, левее, мой бар с коллекцией лучших вин мира... Посмотри какие! Со времен Ноя, с которого все началось, это неблагородное, но приятное дело весьма продвинулось, развилось и разветвилось. Выставки, конференции, призы, золотые медали... А какие плантации под виноградниками! Лучшие земли...

Михаил процедил зло:

– Нужен потоп. Нужен!.. Нет, уже был, теперь огненный ураган, что сожжет все дотла... Недаром Адам делал две стелы, одну из глины, что в огне станет камнем, другую из гранита, который не размочет вода...

Из кухни донесся звонкий голосок Сири:

– Обед готов!

Азазель крикнул:

– Уже идем!

Михаил покосился в сторону кухни:

– Твой демон, что не демон, там и живет?

– Нет, – сказал Азазель, – она сразу во всем доме. Это я, как дурак, кричу, хотя услышит любой шепот даже из ванной. Привык, знаешь ли, орать, как и ты. Технологии опережают нашу адаптацию к ним. Но то ли еще будет, ой-ой-ой...

На кухне Азазель быстро переставил тарелки с горячих поддонов на обеденный стол, разложил вилки и ложки. Михаил опустился на прежнее место, показалось, что Азазель избегает его взгляда, сказал настойчиво:

– Азазель, карты на стол, как здесь говорят, хотя не знаю, при чем тут карты...

– Речь не о географии, – ответил Азазель. – Карты бывают изобретенные, как ты говоришь, для порочных занятий. Раньше были кости, теперь карты, но суть та же...

– Не уводи в сторону, – предупредил Михаил. – Я вообще трудно уводимый.

– Да понял, – ответил Азазель. – Тебя да не понять? Ты еще рот не раскрыл, а я уже знал, что скажешь и как скажешь. Тебе здесь еще шесть дней, а уже страстно жаждется сделать мир лучше и чище... ха-ха!..

– Ничего смешного, – отрезал Михаил. – Это вы, демоны, стараетесь сделать его хуже и гаже!

Азазель внезапно оборвал смех, лицо и глаза стали очень серьезными.

– Ты ешь, а потом я... наверное, буду готов указать на одну персону... Правда-правда. Я говорил о нашем кодексе невмешательства в людские дела?... Тем более, мы не должны им вредить.

Михаил поморщился.

– Даже кодекс... Откуда у демонов кодекс? Если не вмешиваетесь, то из страха, так и говори.

– Так и говорю, – согласился Азазель. – Не вмешиваемся и даже не высовываемся, чтобы нас не выдернули... Но вот недавно появился в наших местах один неадекватный суккуб... Вообще-то знаю парочку суккубов, что живут нормальной жизнью, правда-правда!.. ну как нормальной, у людей теперь все норма, даже садомазохистские игры, а то и сами игрища. Так что те двое не засвечиваются, хотя и суккубничают друг с другом. А эта штучка уже двоих молодых парней лишила жизни...

– Нельзя вредить божьим созданиям, – твердо сказал Михаил. – Это требует наказания!

– Ты ешь, ешь, – сказал Азазель заботливо. – Кто спорит? Конечно, нельзя. Другое дело, когда сами себя или друг друга, это мило и здорово, можно запастись попкорном и наблюдать с удовольствием.

– Азазель, – сказал Михаил резко. – Поднимайся! Потом дозавтракаем. Покажи мне этого суккуба. Пока он не убил третье существо, именуемое человеком.

– А тебе людей что, жалко?

– Их создал Творец, – напомнил Михаил строго. – Потому я всегда на их защите.

Азазель сказал неохотно:

– Увы, я не знаю, где она обитает. Могу только предположить, где окажется вечером. Суккубы свои привычки меняют туго, это их слабое место. Ты ешь, ешь... Неизвестно, сколько ее придется ждать даже вечером.

Михаил посмотрел на него исподлобья.

– И что, будем вот так сидеть и есть до самого вечера?

– А что такого? – оскорбился Азазель. – Если можно целый день пить, то можно, думаю, и есть. И вести неспешные интеллектуальные беседы. У тебя как с интеллектом?... Ничего, после двух-трех бутылок коньяка будем на одинаковом уровне.

– Не будем, – отрезал Михаил. – Я лучше посмотрю ваши новости...

– Щас врублю, – сказал Азазель. – Вообще-то эти штуки устарели, зря их совершенствуют. Сейчас народ все новости узнает по интернету. И вообще все, в том числе и зрелища... Сири, включи жвачник!

Половина стены вспыхнула множествомдвигающихся картинок, Михаил задержал дыхание, все настолько четкое и объемное, будто он смотрит в просторное окно.

– Вот пульт, – сказал Азазель. – Можешь переключать каналы. Если что непонятно, спросишь Сири. Жвачник узнает только мой голос, а тебе придется по старинке.

Глава 11

Пару часов, что показались Михаилу целым днем, он провел на диване, просматривал телепередачи. Часть из них откровенно не понял, часть понял только местами, но даже те, что рассчитаны на самую массовую и нетребовательную аудиторию, как подсказал Азазель, оставались по большей части недопонятыми, и, как предположил Михаил, даже то, что он понял, могло быть понято неверно.

Азазель посматривал с усмешкой, дважды сам приносил чашки с кофе и печеньем, садился рядом и смачно грыз с задорным хрустом, прихлебывая кофе.

– Ну как?... Как видишь, изменился не только образ жизни. Но это пустяки...

– А что не пустяки? – спросил Михаил.

– Изменилась мораль, – пояснил Азазель. – И, как тебе ни покажется невероятным, при всем этом кажущемся и показном разврате народ в целом не стал развратнее или порочнее!..

– Врешь, – сказал Михаил убежденно.

– Почему?

– Я же вижу!.. Везде разврат! И презренная похоть.

Азазель сказал лениво:

– Думаешь, женщина в коротенькой юбочке обязательно развратна?... Да других юбок вообще нет в продаже!.. Так же и с остальным. Даже самая доступная женщина, что раньше было синонимом разврата, может быть абсолютно беспорочна.

– Что-что?

– Ты же в теле человека не стал человеком? И вот она не стала животным и, даже переходя из рук в руки, где ее телом пользуются как хотят, мечтает о замужестве, своем домике с садиком, детях, кухне, выпечке пирогов...

Михаил раздраженно передернул плечами, отвечать не стал, слишком дикие вещи Азазель несет, но в обществе людей в самом деле произошло что-то более важное, чем умение строить такие громадные дома и самобеглые коляски.

– Не мешай, – сказал он, – как сделать тише этот рев?

– Нажимай здесь, – пояснил Азазель. – И держи до тех пор, пока не станет по ндраву. И точно так же, если нужно усилить такой нужный тебе рев... Как переключать каналы, запомнил?

– Да.

– Успеха, – сказал Азазель серьезно. – Не свихнись, люди очень изобретательные, а ты все еще на уровне пещерного... гм... ангела. Прости, архангела! Но разум твой свеж, хоть и дремуч.

– Азазель!

– Это был комплимент, – пояснил Азазель невинно. – В тебя можно влюбиться, Михаил. Ты так чист и светел, что хоть вместо люстры подвешивай или ставь в углу вместо светильника... Ладно, если что непонятное, я всегда на связи.

Михаил спросил встревоженно:

– Уходишь?

– Да, по работе. Я хоть и тунец, но другим работу даю, а то и задаю. Если понадобится срочно, скажи Сири, свяжет со мной, ты же мобильником все равно за эти шесть дней не научишься.

Михаил окинул его придирчивым взглядом.

– Вот так и пойдешь? Бесстыдство какое.

– Я что, – спросил Азазель оскорбленно, – голый?... Эти штаны от Оксаны Рыбачук, у нее лучший Дом моды!.. Да и вообще...

– Ладно, – сказал Михаил, – уже вижу. Здесь все сумасшедшие. Ночевать вернешься?... Или искать тебя по всему свету?

– К шести вечера буду, – сообщил Азазель. – Не рухнись от телепередач. Я и то уже боюсь повреждений моей хрупкой и ранимой психики культурного и чуткого существа. Я же никогда не служил в армии, хотя на оборонку в какой-то мере работал, когда учил тех дикарей копать руду и добывать из нее металл... Надеюсь, это когда-то засчитают в плюс?... Или все же в минус?... Какое там наверху отношение к милитаризму в данное время?

В отсутствие Азазеля он продолжил просматривать телепередачи и все больше убеждался, что человек переощеголял даже демонов по отвратительным мерзостям и гнусностям, что люди придумали и воплотили в жизнь.

Но Азазель все твердит, что это все внешнее, неважное, рано или поздно пройдет... А что тогда важное? К чему человек должен прийти через все эти опустошительные войны, через кровь, голод и разрушения?

Как человек сам не приходит в отчаяние и не говорит себе, что все напрасно? Или он, как твердит Азазель, все тот же Адам, существующий вечно во многих телах, постоянно увеличивающий свою мощь, который видит, как неспешно на месте разрушаемых городов возводятся еще более огромные и прекрасные, а вместо уничтоженных народов приходят другие, тоже дети Адама, хотя, конечно, если придерживаться истины, большинство из них дети Каина?

Почему противников не переубеждают, а просто убивают? Так проще?... Или по молодости людей?

Он вдруг ощутил то странное чувство, которое Азазель называет стыдом. Когда он точно так же прервал едва начавшийся спор с Сатаном, набросился на него со своими сторонниками и силой низверг из Брия в самый мрачный угол Азии, назвав его адом. Тогда это казалось самым правильным решением... А сейчас?

– И сейчас правильно, – сказал он вслух. – Никакого хаоса!.. Иначе все рухнет.

Творец создал в себе четыре мира, а созданные им по его образу и подобию люди сотворяют сейчас свой искусственный мир, подгоняя под свои мелкие нужды.

Как вот эта Сири, реагируя на бесцельно перемещающегося по квартире Михаила, несколько раз спрашивала, не нужно ли ему чего-нибудь, а в последний раз предупредила, что у него повышено артериальное давление, а также слишком велик процент загустения крови, нужно выпить воды и принять таблетку для разжижения.

Этот невидимый демон, созданный людьми, пока еще неразумен и понимает только несколько слов, еще меньше, чем живущие в квартирах собаки, но Михаил вспомнил уверения Азазеля, что эти системы учатся очень быстро, и ощутил смутную тревогу.

Он вздрогнул, когда в комнате прозвучал этот милый женский голосок:

– Хозяин, вы прибудете через пятнадцать минут сорок две секунды... Что приготовить?

– Ванну, – раздался уверенный голос Азазеля прямо в середине комнаты, – и хороший ужин. Мои вкусы знаешь. Как мой гость?

– Жив, – сообщила Сири. – Но пульс повышен, дыхание учащенное.

– Это он интеллигентность в себе развивает, – ответил Азазель, – а они все нервные и пугливые. В ванну добавь хвойных масел.

Слышно было шум движения его авто, потом все оборвалось, и Михаил со стыдом ощутил, что с нетерпением ждет появления этого особого демона, оставшегося в стороне от великой битвы верных Господу ангелов с полчищем Сатана.

Отсчет времени в квартире Азазеля показывают все предметы, кроме часов, которых Михаил так и не увидел нигде, кроме как на своем запястье: плита в двух местах, холодильник

ник, шкафчики и даже кофемолка, точнее, кофеделалка, потому, когда входная дверь хлопнула, Михаил сразу посмотрел на табло с цифрами.

Прошло в самом деле ровно пятнадцать минут, за это время ванна наполнилась горячей водой с ароматами хвои, а с кухни потянуло взбадривающими запахами спешно жарящихся рябчиков.

Хлопнула дверь, Азазель вошел бодрый, привычно веселый и с насмешливым блеском в глазах.

– Еще не поседел? – спросил он участливо. – Хотя что это я, никто не сидит за пару часов!

Михаил буркнул:

– А тебе откуда знать?

– Люблю мифы, – пояснил Азазель. – Начиная с великого мифа о грехопадении человека. Только великие поэты, как вот я, могут создавать такие великие легенды, потому что это и есть суть поэзии и вообще искусства.

Михаил поморщился.

– Я бы таких поэтов вешал на воротах их домов.

– Все поэты, – возразил Азазель беспечно, – бездомные...

Михаил настороженно проводил его взглядом, Азазель покровительственно улыбнулся и, сбрасывая одежду на ходу, прошел в ванную.

Судя по шуму, наполненную ванну в последний момент проигнорировал, принимает душ, переняв такую непоследовательность у людей, те хорошему не научат.

Михаил терпеливо ждал, одновременно поглядывая на телеэкран, где сменяются события дня, Азазель даже в своей отлучке через своего демона Сири менял ему здесь каналы новостей, показывая репортажи с мест событий и даже документальные фильмы, сути которых Михаил так и не понял, разве что уяснил с тревогой, что жизнь людей в самом деле резко, даже очень резко изменилась, а за последние жалкие сотню лет вообще стала такой, что ее не признали бы сами люди прошлого века.

Азазель вышел из ванной комнаты освеженный, на ходу вытираясь огромным мохнатым, как зверь, полотенцем.

– Сейчас перекусим, – пообещал он, – и решим, как дальше. Сири, ужин готов?

– Да, – ответил голосок, – две порции. Форель, два рябчика, легкая пища на ужин...

– Умница ты моя, – сказал Азазель расчувствованно. – Михаил, сейчас будем пировать.

– А на стол твоя умница еще не подает? – спросил Михаил язвительно.

– Пока у нее только голос, – ответил Азазель со вздохом, но добавил бодро: – однако вскоре сделаем для нее и тело!

Михаил посмотрел на него в упор.

– А не кошунство такое?

– Что?

– Творец создал людей, – напомнил Михаил, – а люди создают... тоже нечто по своему образу и подобию? Не кошунственно уподобляться Господу?... Сатан тоже пытался создать своего человека, но получилась обезьяна.

Азазель так быстро и ловко вытащил из духовки-гриля завернутые в серебряную фольгу две птичьи тушки, что Михаил не рискнул помогать, чтобы не опозориться.

По комнате растекся нежно-чувственный аромат запеченного в собственном соку птичьего мяса.

Азазель сорвал фольгу и выложил на два блюда по тушке.

– Извини, что без овощей, – сказал он и добавил авторитетно: – Ты что, не веришь в мудрость Создателя?... Ага, попался!.. А я вот верю, что когда создадим этих вот демо-

нов-помощников уже и во плоти, то те через какое-то время создадут уже сами еще более совершенных...

Михаил охнул:

– Ты что говоришь?

– Ага, – сказал Азазель злорадно, – страшно?... То ли еще будет!.. Господь все учел, ты зря в Нем сомневаешься... Но все равно ешь, хоть ты и почти усомнился, а это значит, и тебя нужно в ад, где погорячее...

Михаил умолк. Азазель не упускает случая уязвить, характер такой скверный то ли уже был, то ли у людей набрался.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.